

Катастрофа

Автор:

Сергей Тармашев

Катастрофа

Сергей Тармашев

Древний #1

Когда привычный мир сгорает в огне ядерной войны, когда жалкие остатки великой цивилизации вынуждены спасаться в подземных убежищах, когда на кону не жизнь, а выживание, приходит время новых героев.

Древний – офицер-спецназовец, известный под позывным Тринадцатый, становится главной надеждой на спасение людей, укrywшихся в бункере на окраине Новосибирска. Его задача – всеми силами и средствами защитить от гибели тех, кто смог пережить Последнюю Войну человечества.

Правда, он еще не знает, что эта война не последняя...

Сергей Тармашев

Катастрофа

Друзья, спасибо вам, за искренний интерес к моим книгам. Хочу акцентировать ваше внимание на нескольких немаловажных вопросах.

Некоторые величины, указанные в книге, могут вызвать определенные сомнения у скептически настроенного читателя. Вследствие этого сразу хочу предвосхитить заявления: «А так быть не может» или «Вот я знаю, что проводившиеся в СССР испытания гораздо меньшей мощности вызывали...» и напомнить, что жанр этой книги – фантастика. Но лично я назвал бы это страшной сказкой. Да, именно сказкой, ибо все, что описано здесь, является весьма оптимистичным прогнозом.

Если бы я строго следовал законам, которыми оперирует современная наука, рассказывать было бы не о ком и не о чем. Потому что ядерная катастрофа, подобная описанной, не только уничтожит все живое, но и, вероятно, разрушит саму Землю. Планета может перестать существовать как физическое тело.

И цель этой книги, конечно, не в том, чтобы заставить читателя с калькулятором в руках пересчитывать за автором некие данные. Действие саги начинается во время конфликта, о течении и последствиях которого могут быть только самые приблизительные представления, и происходит в отдалённом будущем, которого никто не видел. Это лишний раз доказывает: любые недоказанные фактами теории не могут рассматриваться как истина в последней инстанции. Цель книги в другом – в попытке заставить задуматься над тем, что происходит сейчас и к чему это приведет завтра; что мы делаем с планетой и с собой; во что нас превращает так называемый «транснациональный бизнес». Над тем, что во власти преобладают люди с далеко не самыми лучшими человеческими качествами и процветают они именно благодаря этим качествам; что подлинные ценности все меньше в цене, и их носители всё чаще лишь пешки в игре людей более изворотливых. И, наконец, над тем, не пришла ли пора что-то менять?

Но, как известно, хочешь изменить мир – начни с себя. И если кто-то увидит в героях этой книги – неважно, плохих или хороших, – свое отражение, значит, цель достигнута. Кроме того, я хотел, чтобы читателю было просто интересно читать. А еще лучше – очень интересно. И я рад, если мне это удалось.

Автор выражает благодарность всем своим читателям, для которых и создаются его произведения, а также Дмитрию Ицкову и Константину Рыкову, людям, настоявшим на издании этой книги.

P.S. Вариативная Алиса и великий учёный Серебряков являются собирательными образами. Остальные персонажи имеют реальных прототипов. Все совпадения не случайны.

С уважением, Сергей Тармашев.

Пролог

«К 2108 году, по летоисчислению Древних, сотрясавший цивилизацию энергетический кризис достиг своего пика. Месторождения нефти и газа, являвшиеся кровью и воздухом экономики той эпохи, были опустошены повсеместно. Единственный глубоководный шельф, где ещё оставалась нефть, находился на дне водного бассейна, именуемого Древними Тихим океаном. Согласно многостороннему межправительственному договору, месторождение разрабатывалось совместно несколькими наиболее влиятельными государствами на политической арене той эпохи. Однако шельф служил причиной постоянных политических споров. Из найденных и изученных файлов Древних следует, что летом 2111 года на месте разработки вспыхнул вооружённый конфликт. Не сохранилось данных о том, что послужило причиной, но точно известно, что 29 августа 2111 года цивилизация Древних уничтожила сама себя в огне всепланетной ядерной войны. День Великой Катастрофы положил начало отсчёта современной системе летоисчисления».

Из общеобязательного образовательного курса по Древней истории, вторая стадия обучения, первый учебный сектор.

На ухабистой лесной дороге джип снова тряхнуло. Шрецкий недовольно поморщился. Что поделать, он сам решил оставить дорогу в первозданном виде, для таёжного колорита. В следующий раз на вертолётах. Но сегодня надо пройти весь маршрут так, как проходят его жильцы. И завтрашня госкомиссия с прессой.

Кортеж вот уже полтора часа двигался к намеченной цели. Шрецкий потрепал по голове захныкавшего сынишку. Мальчику всего девять, но рождение в семье миллиардера накладывает свой отпечаток и в более раннем возрасте. Ребенок был исключительно капризен, что служило причиной постоянной головной боли

многочисленных нянек, воспитательниц и гувернанток, однако отец прощал сыну любые выходки. Прислуга – люди низшего сорта, пусть терпят будущего хозяина и делают свою работу, за которую им, кстати, весьма неплохо платят. Проблемы психологического комфорта сотрудников олигарха не интересовали. Для этих целей существуют другие сотрудники.

Глаза сын унаследовал от матери, и стоило только Шрецькому взглянуть в них, как в голове ярко вспыхивал образ Маши. Вот и сейчас, глядя на сына, олигарх вновь подумал о жене. Прошло уже два года с момента её смерти, но он видел её перед собой, как будто это было вчера. Шрецький тяжело вздохнул. «Двадцать второй век, биорегенерация, клонирование органов, анабиоз... а рак так и не научились лечить», – в многотысячный раз промелькнула мысль. Он предлагал лучшим докторам любые деньги, сулил блестящие перспективы, но те в ответ только разводили руками. Молниеносно прогрессирующие метастазы, рак головного мозга... Никто не мог ничего сделать. Маша сгорела за две недели, как спичка.

Спичка... Он любя называл её так. Невысокая симпатичная стройная восемнадцатилетняя девчонка с каре чёрных волос и огромными зелёными глазами случайно попала ему на глаза десять лет назад на одной из бесчисленных деловых конференций, которую он проводил в Новосибирске. Девушка раскладывала на столах какую-то канцелярию и страшно трусила от сознания того, что не успевает выполнить свои обязанности в срок, а когда увидела входящего в конференц-зал на десять минут раньше срока влиятельного бизнесмена со свитой, и вовсе замерла. Распорядитель от встречающей стороны зло прошипел где-то сзади: «Вы уволены», – и огромные глаза наполнились влагой. Шрецький улыбнулся. Он помнил историю первой встречи детально, с точностью до секунды. На запястье тихо завибрировал портативный коммуникатор, безжалостно вырывая его из тёплых воспоминаний.

– Эдуард Романович, выпуск новостей на центральном канале, – доложил референт и отключился.

Вспыльчивый характер Шрецького был всем хорошо известен, и вышколенные сотрудники никогда не произносили лишних слов, не имеющих прямого отношения к делу. Шрецький коснулся сенсора и включил новости. Из динамиков раздался взволнованный голос диктора:

«...снова обостряется. Как известно, после захвата террористами «Шельфа ООН» Соединённые Штаты Америки, не ставя в известность международное сообщество, начали боевую операцию по освобождению месторождения. К вечеру вчерашнего дня шельф был полностью захвачен вооружёнными силами США. В ходе боя террористам удалось активировать один из двух ядерных зарядов, которыми они угрожали уничтожить месторождения, в результате чего восемь из девяти добывающих платформ были уничтожены. Однако Вашингтон заявил, что проведённое обследование шельфа показало, что ввиду большой глубины и успешных действий вооружённых сил, сам нефтяной резервуар шельфа не пострадал. В настоящий момент спецслужбы США ведут полную проверку оборудования шельфа на предмет поиска возможных оставшихся в живых террористов и уточнения размеров необходимых восстановительных работ. Тем временем биржевые цены на нефть подпрыгнули до фантастического значения. Час назад Белый дом сделал заявление, что в связи с неспособностью ООН обеспечить безопасность последнего нефтяного запаса, США берут шельф под свой контроль. Второй флот ВМС США, проводивший операцию освобождения, срочно усиливается пятым и шестым флотами. Правительства более чем сорока стран-участниц ООН уже подали официальный протест. В эти минуты срочно собирается Совет Безопасности...»

Шрецкий выключил передачу и откинулся на роскошном сиденье. «Плевать они хотели на ваш Совет Безопасности», – подумал он и, щёлкнув ногтем по сенсору коммуникатора, спросил:

– Сколько ещё осталось до «Подземстроя»?

– Через пятнадцать минут будем на месте, Эдуард Романович, – немедленно откликнулся референт.

«Хорошо, – подумал Шрецкий, – посмотрим, как подготовлен уровень». Он взглянул на увлечённо играющего в очередную компьютерную битву с пришельцами сына. Мальчишка уже забыл о капризах по поводу некомфортной дороги и был всецело поглощен виртуальной мясорубкой. Сидевшая на противоположном сиденье гувернантка, имевшая учёную степень по педагогике, не отрывала взгляд от ребенка. Шрецкий снова закрыл глаза и погрузился в воспоминания.

Чутьё к прибыли у него было развито лучше, чем нюх у волка. Это он первым из представителей крупного бизнеса вложил средства в правительственную программу «Подземстрой». Ещё пять лет назад, когда в стране уже заканчивались, но все же ещё были свои нефть и газ, правительство под давлением военных, поддерживаемых некоторыми политическими партиями, пытавшимися поднять свой рейтинг, приняло программу строительства огромных подземных бункеров на случай ядерного конфликта. Формально конфликтовать было не с кем, однако ситуация с энергоносителями ухудшалась, в мире то и дело вспыхивали вооружённые конфликты за обладание теми или иными местами разработки, да и в других экономически сильных государствах подобные программы существовали и даже в некоторых случаях давали определенное политическое преимущество партиям, являвшимся инициаторами строительства.

В итоге программа была принята. Однако она была скорее формальной, чем реальной, так как основные государственные средства, ежегодно направляемые на исследования в области разработки альтернативных энергоносителей и их внедрение, не позволяли организовать строительство в необходимых для её реализации масштабах. Крупный бизнес, в свою очередь, не хотел делать столь огромных вложений – в ядерный конфликт никто особо не верил, да и альтернативная энергия являлась гораздо более привлекательной отраслью с точки зрения возможных в случае успеха дивидендов. Но Шрецкий в буквальном смысле учуял прибыль, стал единственным партнёром государства в программе и взял на себя почти семьдесят процентов расходов. И прав на владение.

В тот же год началось строительство пробного бункера в новгородских землях. Через два года небольшой «Подземстрой-1» был завершён, и Шрецкий приступил к строительству основательного «Подземстроя-2» под Новосибирском. Этот проект очень любила Маша, именно она предложила место строительства. Жена настояла на том, чтобы создать для семьи отдельный уровень в бункере. Сын подрастёт и будет играть там с друзьями в космических героев, смеясь, говорила она. Шрецкий был уверен, что ей просто нравится романтика идеи многокилометрового подземелья. Совсем ведь девчонка ещё, того и гляди сама примется там в героев играть. Его губы тронула тёплая улыбка, он вновь видел Машу и слышал её звонкий, словно детский, смех. Даже роды не изменили её ни на грамм. Она по-прежнему казалась восемнадцатилетней девочкой рядом с мужем, разница в возрасте с которым составляла тридцать девять лет. Несмотря на все чудеса биорегенерации, малознакомые иностранцы, видя Шрецкого в компании жены, держащей на руках ребенка, часто восхищались тем, какие красивые у него дочь и сын.

– Эдуард Романович, новости, экстренный выпуск, – прожужжал коммуникатор голосом референта.

Шрецкий включил новости.

«...только что сделал официальное заявление на Совете Безопасности ООН. Официальный Пекин заявил, что США незаконно захватили «Шельф ООН», и обвинил Белый дом в инсценировке захвата террористами шельфа. Полномочный Представитель Китайской Республики объявил требование Пекина к США немедленно отвести войска и сдать шельф под контроль объединённым силам ООН. Флот ВМС Китая уже начал движение к шельфу. В Китае объявлена мобилизация. К требованию Пекина присоединились Великобритания, Франция, Россия, Германия, страны Арабской коалиции и ещё не менее двадцати стран. Представитель Белого дома вновь заявил о неспособности ООН обеспечить безопасность шельфа и отверг обвинения Китая в инсценировке теракта, назвав это заявление абсурдом. Россия выразила надежду на разумное разрешение ситуации сугубо мирными способами. Представители Франции и Великобритании также...»

Шрецкий щёлкнул ногтем по сенсору и мысленно усмехнулся. Он с самого начала штурма шельфа был уверен, что Штаты так просто оттуда не уйдут. Вот теперь настал звёздный час «Подземстроя-2». После завершения «Подземстроя-1» бункер три месяца пустовал, было продано менее одного процента подуровней. Конкуренты посмеивались над Шрецким. А потом конфликт за месторождение газа между Индией и Пакистаном закончился обменом ядерными ударами. За три часа погибли в общей сложности девять миллионов человек, и перестало существовать само спорное месторождение. Ещё через десять дней управляющий директор «Подземстроя-1» доложил, что площади бункера распроданы полностью. Прибыль превысила четыреста шестьдесят процентов. Это был триумф. Спohватившиеся ринулись строить бункеры, но семьдесят процентов прав на строительство уже принадлежало Шрецкому. В результате началось строительство ещё двух бункеров, но догнать «Подземстрой-2» уже было невозможно. Ещё до окончания первой стадии строительства пятьдесят процентов площадей уже было заказано и оплачено. И вот теперь конфликт на шельфе. Пожалуй, стоит дать указание директору по реализации о поднятии цен.

Шрецкий коснулся сенсора изменения затенённости стёкол и сделал почти тёмное окно прозрачным. За окном весело проносилась сибирская тайга. Ярко светило августовское солнце, пробиваясь через густые кроны величественных сосен и пушистых елей. Шрецкий поморщился. Он не любил солнце, предпочитая искусственное освещение. А вот Маша сейчас была бы рада. Он представил, как она обязательно бы остановила весь кортеж и выскочила из машины просто порадоваться лесу, к ужасному недовольству начальника службы безопасности, которому немедленно надлежало выставить оцепление, что ещё больше развеселило бы Машу. Шрецкий представил себе, как её звонкий смех переливается в прозрачном лесном воздухе, а вокруг неё веером рассыпаются и растворяются в лесу телохранители, прячущие улыбку на суровых лицах. Машу в империи Шрецкого любили все. В конце концов, сорвав душистую мохнатую еловую лапку, сияющая Маша вернулась бы в машину...

Он посмотрел вперёд – на нависающую Медвежью. Ставосьмидесятиметровая сопка с практически голой вершиной и густо заросшими таёжной растительностью склонами в лучах утреннего солнца и вправду была чем-то похожа на лежащего медведя, очень лохматого и зелёного. Возможно, именно этому она и обязана своим названием. А может, где-то на её склонах ещё живут настоящие медведи. Этот вопрос всегда живо интересовал Машу. Шрецкого же интересовал бункер, прорубленный в скальном основании Медвежьей на глубину в три километра ниже уровня грунта.

Миллионы тонн скальной породы над бункером служили надёжным щитом, глубина залегания бункера и сама его конструкция просчитывались неоднократно лучшими специалистами. Военные консультанты утверждали, что бункер гарантированно выдержит не меньше трёх прямых попаданий любого известного ядерного заряда, состоящего на вооружении. Автономная система жизнеобеспечения с замкнутым циклом, новейшим ядерным реактором, изготовленным по спецзаказу лучшими японскими производителями, могла гарантированно функционировать около пятисот лет. Вместительные склады, полностью загруженные всем необходимым и не очень, медицинский уровень, укомплектованный ультрасовременным оборудованием, научный комплекс с мощнейшими компьютерами последнего поколения, высококвалифицированный персонал, несущий круглосуточное дежурство. Роскошные жилые подуровни, предназначенные для очень богатых людей, и подуровни попроще, для людей просто богатых, уровень «Улей» для почти простых людей. Жилые помещения были рассчитаны на тридцать тысяч человек и пять тысяч сотрудников персонала, но на самом деле бункер мог принять вдвое больше.

Деньги должны приносить деньги, а не просто быть зарыты в землю, пусть даже и на три километра, да и какая в реальности может быть ядерная война, сейчас не полудикий двадцатый век, и бункер, помимо своего основного, документального предназначения, по совместительству являлся огромным экзотическим увеселительным комплексом. Фешенебельные VIP-апартаменты и развлекательные центры на любой вкус, медико-косметические салоны и биорегенерация, водные скважины пятикилометровой глубины и рестораны, способные удовлетворить любым требованиям даже самого капризного гурмана. В уровне жизнеобеспечения огромное пространство заняли оранжереи и биофермы. Там осваивались разнообразные пищевые технологии вплоть до производства мёда и выращивания устриц, уже имеющих свой собственный товарный знак. В следующем году планировалось очистить пологий склон Медвежьей и начать строительство горнолыжного спуска.

По самым скромным подсчётам, бункер должен принести девятизначную цифру прибыли. Одним словом, это был его, Шрецкого, шедевр. И завтра день торжественной сдачи «Подземстроя-2» госкомиссии. На официальном уровне, разумеется, всё было сдано и подписано, множество жилых подуровней были уже заселены владельцами, желающими присутствовать на церемонии открытия. Завтра состоится торжественная часть, будет сам Президент, первые лица, обилие прессы. Появиться на подобном мероприятии с сыном будет совсем не лишним PR-ходом. А сейчас надо самому убедиться в том, что всё готово к завтрашней демонстрации.

Кортеж въехал за ворота и остановился. Снова зажужжал коммуникатор.

– Эдуард Романович, желаете осмотреть внешнюю площадь или сразу внутрь? – Референт прекрасно помнил о дотошности Шрецкого и старался предусмотреть все.

– Начнём отсюда, – решил Шрецкий, – управляющего директора ко мне.

– Он уже ожидает вас, Эдуард Романович.

Снаружи к машине подбежал телохранитель и открыл дверь. Управляющий директор и десяток других должностных лиц спешили засвидетельствовать своё

почтение.

– Добро пожаловать, Эдуард Романович, к приезду госкомиссии всё готово. – Управляющий директор не хуже других был осведомлён о необходимости говорить только по делу.

– Хорошо. – Шрецкий окинул взглядом внешнюю территорию. – Тогда это что такое? Или местные лесники решили баньку срубить? – недовольным тоном поинтересовался олигарх.

Внешняя территория представляла собой гладко забетонированный прилегающий вплотную к скальным породам сопки дугообразный кусок земли площадью пятьсот квадратных метров, размеченный под вертолётные площадки, места выгрузки и небольшую автостоянку для служебного транспорта, который доставлял жильцов и сотрудников из Новосибирска в бункер и обратно. Пользоваться личным транспортом разрешалось только избранным, коих было очень и очень немного. Внешнюю территорию ограждал пятиметровый бетонный забор, опоясывающий площадку, начинающийся прямо из скалы и заканчивающийся также в скале, далее шёл пояс охранных наблюдательных вышек, на которых несли службу вооружённые охранники. После пояса вышек было установлено ещё два пояса колючего ограждения со служебными собаками между ними. Специально созданная служба охраны отвечала за безопасность бункера, а количеству всевозможных датчиков, камер слежения и сигнализаций на квадратный метр могла позавидовать служба безопасности президента какой-нибудь небольшой страны. Однако сейчас на внешней территории сразу в нескольких местах лежали стройматериалы, и люди в рабочей форме собирали из них какие-то конструкции.

– Эдуард Романович, это телевизионщики собирают для себя трибуны под телекамеры. Присутствуют только аккредитованные телеканалы согласно проданным правам на трансляцию. – Управляющий директор произнес фразу на одном дыхании и замер, ожидая ответа.

– Проследите, чтобы к 19.00 все работы были завершены. Кто не успеет, будет лишен аккредитации и выдворен за ворота. – Шрецкий развернулся и пошёл в сторону входа в бункер, давая понять, что на этом осмотр внешней территории завершён.

Бункер имел два основных входа и три запасных. Основной грузовой вход был заблокирован нелинейной системой шлюзов с мощными воротами. Загрузка складов «Подземстроя-2» была завершена, и в следующий раз грузовой вход будет разблокирован через сто лет, для плановой замены неприкосновенных запасов. Основной пассажирский вход располагался рядом и представлял собой точную копию старшего брата, уменьшенную в несколько раз. Расположение запасного грузового и двух пассажирских выходов содержалось в тайне.

После первой шлюзовой камеры располагался первый пункт проверки документов, на котором несли службу несколько охранников. Автоматика закрыла ворота за спиной Шрецкого и его свиты.

– Система безопасности производит идентификацию личности мгновенно, – докладывал начальник службы безопасности «Подземстроя», – сейчас система проверит давление и содержание воздуха в этом отсеке и откроет ворота второго шлюза.

– На что делается проверка воздуха? – Шрецкого не интересовали такие тонкости, но в данный момент он ощущал какое-то смутное беспокойство. Безопасник стал торопливо перечислять:

– Проверяется герметичность, давление, температура, уровень радиации, наличие посторонних живых организмов вплоть до бактерий, при необходимости проводится кварцевое...

Но Шрецкий его уже не слушал. Он понял причину своего беспокойства. Он чувствовал взгляд. Точнее, Взгляд. В своей империи Шрецкий был царь и бог, его боялись все. Никто, кроме Маши, не позволял себе столь неприкрыто его рассматривать. Он повернул голову влево и увидел источник своего дискомфорта. В пяти метрах от него на посту стоял человек в форме охранника. Что-то неуловимо знакомое было в его лице. Их взгляды встретились. И ничего не изменилось. Охранник спокойно продолжал рассматривать Шрецкого, только теперь он глядел олигарху в глаза. На мгновение Шрецкому стало не по себе. Он никак не мог понять, в чём дело. Во взгляде не было ни агрессии, ни ненависти. Охранник ничем выдающимся не отличался. На вид лет 30–35, среднего роста, коротко стриженный, как и большинство представителей его профессии. Подтянутая мускулистая фигура, вес килограмм под сто. На нагрудной нашивке небольшая цифра 13. Видимо, опознавательный знак или что там у них вместо фамилий. Тёмные глаза, пара слабозаметных шрамов – наверняка следы

тяжёлых операций, при сегодняшнем уровне развития биорегенерации лёгкие повреждения кожи просто не оставляют следов... в его личной охране служат парни намного колоритнее, настоящие глыбы... и тут Шрецкий понял, где он видел такой же взгляд.

Когда Маша умерла, Шрецкий вместе с поверенными сам приехал за телом, несмотря на уговоры друзей. Он твёрдо решил отменить все дела и последние три дня не отходить от неё. В морге элитной московской клиники тело передавал сухонький старичок-прозектор. Старик механически выполнял все необходимые процедуры, и при этом его взгляд, скользя с живых на мертвых и обратно, никак не менялся. Дед смотрел на тела, словно это была мебель или элементы интерьера, с которыми он бок о бок прожил не один десяток лет. В его взгляде не было ни жалости, ни скорби, ни радости, ни заинтересованности. Это была какая-то смесь безразличия с необходимостью. И когда старик переводил взгляд на кого-то из поверенных, ничего в его взгляде не менялось. Живые ли, мертвые ли перед ним – старику не было до этого дела. Тогда Шрецкий не задумался над этим, боль от потери жены застилала всё.

Сейчас он вновь увидел этот взгляд. Ну и что? За четыре десятка с лишним лет в бизнесе Шрецкий стал специалистом по взглядам, его опыту мог позавидовать иной профессор физиогномистики. Шрецкого одним лишь взглядом не возьмёшь! Нет, тут что-то ещё. Внезапно его осенило. Память бизнесмена, привыкшего держать в голове содержание множества договоров и контрактов, официальных и частных бесед и встреч, словом, всё, вплоть до неважных на первый взгляд деталей, услужливо вытолкнула нужное воспоминание.

Шла вторая неделя их с Машей медового месяца. Личная яхта Шрецкого, больше похожая на океанский лайнер, каковым она, по сути, и являлась, сделала остановку на Сейшельских островах. Лет двадцать назад он купил себе один из небольших островков этого архипелага и устроил там одну из своих летних резиденций. Белоснежный мраморный дворец смотрел из буйства тропических джунглей прямо в океан, словно ослепительно белая жемчужина выглядывала из раскрытых створок сочно-зелёной раковины. Огромный коралловый риф, переливаясь яркими красными, жёлтыми, коричневыми и оранжевыми красками, простирался далеко в изумрудно-зелёное море, которое в полдень сверкало почти так же сильно, как Машины глаза. Она с первого взгляда влюбилась в это место и целый час щёлкала новеньким, недавно подаренным голограмматором.

– Я хочу отправить родителям голограммки! – сообщила она, захлебываясь от восторга, – можно, любимый?

Шрецкий засмеялся:

– Ну конечно, можно, дорогая. Вот же коммуникатор, Интернет через спутник круглый год! Адрес помнишь?

– Наш домашний компьютер голограммы не примет. Коммуникатор есть только у папы на работе. У меня записан номер! – Маша достала из лежащей на столике сумочки маленький красный дамский бумажник и начала усердно копаться в его кармашках, где обнаружилось немало различных бумажек и второпях сделанных пометок. Периодически Маша доставала какой-нибудь клочок и с удивлением произносила что-то вроде: «Ой! А это что?» и продолжала поиски. Шрецкий, глядя на это, не мог сдержать улыбки. Наконец нужный номер был найден, и Маша с видом Бонапарта, только что покорившего Европу, бросила бумажник на столик и принялась за коммуникатор. При этом она сосредоточенно хмурила брови и совсем по-детски надувала пухлые губки. Видимо, задача перед ней стояла не из лёгких. Эта картина умиляла Шрецкого до глубины души. Он смотрел на жену и продолжал счастливо улыбаться.

– Не смотри на меня, ты меня смущаешь! – заявила Маша, – у меня никогда раньше не было коммуникатора.

– Может, тебе помочь?

– Нет! Я сама! – Маша показала ему язычок. – А ты не смотри, не мешай! – повторила она, сверкнув зелёными глазищами, и снова погрузилась в исследовательский процесс.

Шрецкий выдал короткий смешок, оставшийся без ответа. Он перевёл взгляд на стол и протянул руку к её бумажнику:

– Можно взглянуть?

– Ага! – разрешила Маша, не отрываясь от коммуникатора.

Бумажник был видавшим виды. Изрядно потёртым, служившим уже далеко не первый год.

– Материна вещица? – догадался Шрецкий.

– Угу.

Он раскрыл бумажник. Куча маленьких кармашков, забитых кучей маленьких бумажек...

В пустом раскладывающемся прозрачном пластиковом кармане в самом углу одиноко лежала маленькая чёрно-белая фотография «три на четыре», стандартное фото на документы. На нём был коротко стриженный крепкий парень лет тридцати в камуфлированной форме войск специального назначения. Тёмные глаза пристально смотрели в объектив, из-за чего складывалось ощущение, что человек с фото смотрит прямо на тебя.

– Отдай, пожалуйста. – Маша стояла рядом, протянув руку. В уголках её потемневших глаз собралась влага.

– Кто это? – Шрецкий отдал бумажник. – Твой любимый человек?

Он вдруг понял, что их роман развивался настолько легко и стремительно, что никогда раньше подобного вопроса не задавалось.

– Где он теперь?

– Он... – Маша опустила голову, и на палубу упала слезинка. – Он был офицером спецназа.

Она посмотрела Шрецкому в глаза:

– Он погиб. На войне.

Маша убрала бумажник в сумочку и вернулась к коммуникатору. Шрецкий промолчал. Энергетический кризис разрастался, вооружённые конфликты вспыхивали и гасли по всей карте мира. Страна имела интересы во многих

уголках планеты, и гибель наших бойцов давно уже перестала быть чем-то из ряда вон выходящим. Через десять минут сосредоточенное сопение у коммуникатора сменилось победным визгом – голограммы дошли до адресата, и огромные глаза снова засияли. Той фотографии Шрецкий больше не видел.

И вот теперь на него смотрел человек с фотографии. Перепутать было невозможно, парень совсем не изменился, от фото его отличали только шрамы. Спокойный, безразлично-обязательный взгляд патологоанатома на труп. Шрецкому стало жутко.

– Эдуард Романович, двери открыты, желаете пройти дальше? – неуверенно спросил решившийся нарушить тишину управляющий директор.

Шрецкий мысленно стряхнул с себя оцепенение и понял, что шлюз давно открыт и все ждут только его. Он решительно прошёл внутрь. Миновав ещё три шлюзовые камеры, расположенные в коленчатом коридоре, свита вышла к электропоезду, доставляющему людей к шахте лифта. Уже сидя в кресле вагона, Шрецкий кивком подозвал к себе безопасника.

– Кто этот сотрудник за номером тринадцать?

– Новенький, Эдуард Романович, принят две недели назад, – заторопился безопасник, – прошёл все проверки, ветеран спецназа, многократно награжден, имеет рекомендации...

– Уволить на следующий день после сдачи объекта, – перебил Шрецкий. – И не раньше. Нам не нужны сейчас лишние крошки для тараканов из прессы. Вопросы?

– Никаких, Эдуард Романович.

Безопасник отправился на своё место.

– Эдуард Романович, – рядом стоял референт с коммуникатором в руках, – новости, экстренный выпуск.

Шрецкий кивнул, референт коснулся сенсора и поставил коммуникатор на стол.

«...специальный корреспондент из зоны конфликта. Десять минут назад ВМС США сбили два самолета Республики Китай, проводивших облёт территории «Шельфа ООН». Оба пилота погибли. Командующий флотами США заявил, что выполняет приказ Президента и Конгресса об охране шельфа и не позволит никому подойти ближе двенадцатимильной зоны. Торги на мировой нефтяной бирже приостановлены. Перед зданием американского посольства в Пекине в эти минуты возник стихийный митинг, количество его участников стремительно растёт. Глава ООН обратился к странам – участницам конфликта с призывом соблюдать благоразумие. Официальная реакция Пекина пока неизвестна, однако военные наблюдатели констатируют выдвижение китайского флота на дистанцию удара. Мировая общественность уже высказывает осуждение...»

Шрецкий выключил коммуникатор. «Плевали они на ваше осуждение», – подумал он и взглядом подозвал референта.

– Отправьте в московскую штаб-квартиру приказ директору по продажам поднять стоимость ещё не реализованных площадей «Подземстроя-2» в четыре раза.

– Слушаюсь, Эдуард Романович.

Электропоезд остановился у шлюзов лифта. Свита прошла через три шлюза и оказалась в кабине. Скоростной лифт набирал и гасил скорость настолько плавно, что сидевшие в мягких комфортабельных креслах пассажиры практически не ощущали скорости. Через несколько минут они достигли цели на глубине три тысячи метров. Это был личный уровень Шрецкого. С тех пор, как умерла Маша, он бывал здесь редко, предпочитая руководить строительством на расстоянии. Однако план уровня он помнил отлично. Шрецкий сразу же направился в свой офис, а сын с воплями помчался в противоположную сторону. Для него подземное приключение началось ещё в шлюзовых камерах. Приехавшие с мальчишкой няня и гувернантка в ужасе устремились за ребёнком.

Кабинет Шрецкому понравился. Пятьдесят квадратных метров площади, четырёхметровые потолки, массивная мебель ручной работы в классическом английском стиле. Шрецкий любил красное дерево, и проектировщики учли эту слабость олигарха: в помещении всё было выполнено из самых дорогих его сортов. Однако больше всего кабинет напоминал рубку авианосца или центр управления полётами. Три стены, кроме находящейся за спинкой

президентского кресла, практически полностью являлись голографическими экранами. По ним непрерывно бежали сообщения об изменении различных котировок и индексов, транслировалось в реальном времени положение дел на ведущих мировых биржах, карта мира была усыпана значками, отмечавшими местоположения различных интересов империи Шрецкого. Мощнейший коммуникатор последнего поколения, установленный на рабочем столе, пискнул и заговорил голосом референта.

– Эдуард Романович, Новосибирск на связи. Губернатор, правительственная линия.

– Соединяйте.

Коммуникатор подмигнул Шрецкому зелёным индикатором правительственной линии и тут же переключился на красный, сообщая, что активирован максимальный уровень защиты данных. Спустя мгновение на голографическом экране появилась тучная фигура губернатора региона, и динамики пробасили с одышкой:

– Здравствуй, Эдуард Романович, с приездом. Как добрался по лесной дороге-то?

– Здравствуй, Петр Викентьевич, твоими молитвами хорошо.

Оба знали, что лесная дорога к «Подземстрою» была оставлена в нетронutom виде не только с целью придания туристического колорита, но и в угоду партии Зелёных, имевших в регионе сильные позиции. Губернатор занимал своё кресло второй срок и был не против отсидеть в нём и третий, поэтому возможность выглядеть в хорошем свете на страницах газет лишней не была.

– Эдуард Романович, новости-то слушал сегодня? – Одышка очень толстого человека сильно тяготила губернатора, длинные фразы давались ему с трудом, поэтому он старался пользоваться короткими. – Чего американцы-то творят.

– Этого и следовало ожидать, Петр Викентьевич, американцам никто не указ. – Шрецкий ввел короткую команду и теперь, ведя разговор, разглядывал на карте движения флотов в районе конфликта. – Вон сколько народу уже собралось побряцать оружием. И китайцы, и англичане, и арабы, и мы. Ну как же без нас-то, – ухмыльнулся Шрецкий.

– Тут есть мнение, что в случае дальнейшего обострения ситуации Президент может и не прилететь, – губернатор снова перевёл дух, – шепнули мне тут из Москвы по секрету. – Ты вот что, Эдуард Романович, прилетай-ка ко мне сейчас, потолкуем, чайку попьём. Вы с Президентом чуть ли не друзья, может, созвонишься и замолвишь за нас словечко, Эдуард Романович? Глядишь, и не передумает Президент. Это ведь и тебе выгодно, да и у нас тут выборы на носу. И региону встреча с Президентом нужна кровь из носу. Меня пол краевой думы с утра осаждает. Помоги, Эдуард Романович, мы в долгу не останемся, окажем максимальное содействие в любом вопросе, только скажи.

Столь длинная тирада далась губернатору нелегко, откуда-то из недр необъятного костюма он достал платок и стал вытирать градом катящийся по лицу пот.

Шрецкий на мгновение задумался. Конечно, госкомиссия примет «Подземстрой-2» и без присутствия Президента, это уже давно решённый вопрос. И проблемы губернатора со всем его регионом волновали Шрецкого очень мало. Но вот сам факт возможного отсутствия Президента изрядно портил стройную PR-кампанию Шрецкого, начавшего набирать серьёзный вес на политической арене страны. А с этой самой ареной у него были связаны очень даже далеко идущие планы...

– Что ж, Петр Викентьевич, давайте попробуем помочь нашему общему горю чем сможем, – улыбнулся Шрецкий.

– Вот и чудненько, вот и чудненько, – задышал губернатор, – я вышлю за тобой вертолёт, Эдуард Романович, через час они будут у тебя.

Экран погас, индикатор подмигнул ещё раз на прощание и отключился.

Эко как прижало-то, подумал Шрецкий. Не пожалел топливо из краевых стратегических резервов, вертолёт послал. Не иначе снова у Президента средств будут просить. Зачем ещё он им нужен. Шрецкий ухмыльнулся и ткнул сенсор референта на коммуникаторе.

– Слушаю вас, Эдуард Романович.

– Через час вылетаем в Новосибирск на встречу с губернатором. Вертолёты уже в пути. Оповестите всех членов комиссии и готовьте мой вертолёт, я хочу вылететь обратно из Новосибирска через пять часов. К моменту моего возвращения я хочу получить от директоров подробный доклад о мощностях «Подземстроя-2», включая резервные и аварийные. Свяжитесь с Москвой, с директором по продажам, мне нужен полный список ещё не проданных площадей.

– Будет сделано, Эдуард Романович.

Шрецкий активировал почтовый терминал и некоторое время работал с персональной корреспонденцией. Коммутатор щёлкнул – автоматика кабинета, настроенная на круглосуточный прием новостей, сама вывела на экран экстренный выпуск.

На экране шла картинка со спутника – в море быстро тонули два охваченных пламенем боевых корабля. Возбуждённый голос диктора за кадром скороговоркой сообщал о последних событиях:

«...в акватории «Шельфа ООН» продолжилась страшной трагедией. ВМС США нанесли массированный ракетный удар по двум лёгким эсминцам объединённого флота ООН. В результате атаки оба корабля уничтожены и стремительно тонут. К месту трагедии спешат спасательные суда и вертолёты. Командующий флотами США заявил, что корабли ООН нарушили двенадцатимильную зону безопасности, установленную Конгрессом США. Только что полномочный представитель Белого дома в ООН зачитал обращение президента США, в котором говорится, что в случае повторных попыток нарушить зону безопасности, страна-нарушитель будет лишена Соединёнными Штатами возможности участия в добыче нефти после восстановления оборудования на «Шельфе ООН». Как сообщают наблюдатели, уничтоженные эсминцы объединённого флота ООН принадлежали России и Арабской коалиции. Мы ждем реакции Москвы, пока ещё Кремль не делал никаких заявлений. В Пекине здание посольства США демонстранты забрасывают камнями. Полиция применила слезоточивый газ...»

Внезапно картинка на экранах сменилась. Судя по всему, камера установлена где-то на высотном доме соседнего квартала. На экране издали видно здание, буквально тонущее в огромном людском море. Диктор за кадром ещё более усилил скорость вещания и стал говорить практически без пауз: «Срочное

сообщение! После объявления о гибели эсминца Арабской коалиции здание посольства США в Тегеране в считанные минуты оказалось окружено многотысячной толпой. Разъярённая толпа смела полицейские кордоны и пошла на штурм посольства. В данный момент вы видите, как людские массы врываются внутрь. Из здания слышны выстрелы, по сообщениям полиции, к посольству срочно движутся усиленные войсками отряды полиции. Мы следим за развитием событий со здания...»

Коммутатор открыл на экране новое окно и вывел референта:

– Эдуард Романович, вертолёт будет через двадцать минут. Комиссия готова, можно начинать шлюзование. Ваш вертолёт ожидает вас в Новосибирске. – Референт закончил доклад и отключился.

Шрецкий вышел из кабинета. Да, дела. Интересно, как америкосы планируют разрешить эту проблему. Надо лететь, а то, если дела и дальше так пойдут, Президент действительно может и не приехать на открытие.

У лифта между свитой радостно прыгал сынишка, не забывая наступать на ноги всем попавшимся. Все попавшиеся усиленно изображали умиление. Шрецкий мысленно усмехнулся: «Ничтожества».

– Вертолёт, вертолёт!!! Папа! Мы полетим кататься на вертолёте! – Наследник вцепился в отцовский рукав.

Начальник личной охраны тут же зашептал:

– Эдуард Романович, брать ребенка в чужой вертолёт с чужими пилотами неосторожно, я бы не рекомендовал...

– Нельзя, сынок, – перебил главного телохранителя Шрецкий, – мы покатаемся в другой раз.

– Ну, паааапа! – немедленно начал канючить сын, – я хочу на вертолёт, мы с мамой всегда катались с тобой на вертолёте. – Сынишка хлопал зелёными глазёнками.

«Маша...»

– Так уж и быть, поехали! – сдался Шрецкий, улыбаясь.

Начальник личной охраны попытался возразить:

– Но, Эдуард Романович, это же... – Шрецкий поморщился и, не дослушав, прошёл в кабину лифта, давая понять, что разговор окончен.

Подъем на лифте, шлюзования, электропоезд, снова шлюзования. Всю дорогу Шрецкий был погружен в раздумья. Вне всякого сомнения, конфликт в зоне «Шельфа ООН» принимал не самый лучший оборот, и надо было извлечь из этого максимальную выгоду. Изворотливый ум Шрецкого работал на полную мощность, анализируя ситуацию, сравнивая и отвергая различные варианты, скрупулезно выискивая наилучший, подобно ищейке, идущей по кровавому следу подранка.

Резко вернулось ощущение страха. Шрецкий отвлекся от мыслей и понял, что снова находится на первом пункте проверки документов. За прошедший час здесь ничего не изменилось, включая положение охранников. Охранник под тринадцатым номером уже не смотрел на него, но отделаться от неприятного чувства не удавалось.

«Да что такое!» – мысленно выругался Шрецкий.

На внешней территории уже стояли обещанные вертолёты и личный помощник губернатора. Губернаторский вертолёт и два вертолёта сопровождения оторвались от земли синхронно, демонстрируя неплохую слетанность экипажей. Дорога по воздуху должна занять около часа, Шрецкий устроился поудобнее в мягком кожаном кресле, затемнил иллюминатор и включил частоту новостей.

«...передавали ранее, разъярённая толпа смяла полицейские кордоны и штурмом взяла здание посольства США в Тегеране, буквально разорвав всех находившихся внутри. Конгресс США собирается на экстренное заседание. Американский президент заявил, что реакция США на кровавую расправу не заставит себя ждать. Наблюдатели из зоны конфликта передают, что флоты Китая и Арабской коалиции начали сближение и через час достигнут границы двенадцатимильной зоны. Представитель коалиции в ООН заявил, что в случае

повторения атак флот коалиции нанесет ответный удар, и потребовал от Совета Безопасности ввести войска ООН в акваторию «Шельфа» и вернуть его под юрисдикцию ООН. Официальный Пекин выдвинул требование приостановить членство США в ООН и подчеркнул готовность Китая выполнять союзнические обязательства согласно договору об Альянсе. Третий член Альянса, Россия, пока не сделала никаких официальных заявлений, в эти минуты Президент России собрал правительство на экстренное заседание. Партнёры США по блоку НАТО пока воздерживаются от комментариев. Оставайтесь с нами, мы будем...»

Щрецкий выключил новости и задумался. Шансы на завтрашнее прибытие Президента стремительно уменьшались. Что ж, надо ждать официального заявления Кремля, от него и оттолкнёмся. После окончания заседания необходимо любой ценой переговорить с Президентом. Присутствие рядом губернатора и председателя Краевой Думы будет нелишним.

Вертолёт совершили посадку на крыше здания правительства края, и спустя три минуты Щрецкий уже входил в кабинет губернатора. Тут, судя по всему, ждали только его. Петр Викентьевич собрал действительно узкий круг самых доверенных лиц: вице-губернатор, председатель Краевой Думы и он сам. Больше в кабинете никого не было. Щрецкий коротко поприветствовал присутствующих и опустился в кресло.

– Видал, Эдуард Романович, что творится! – Губернатор ткнул пухлой рукой в сторону настенного экрана, где в данный момент была изображена спутниковая карта. Щрецкий узнал акваторию «Шельфа ООН».

– Американцы заявили, что в странах с «антиамериканскими настроениями» будут охранять свои посольства сами. С ближайших баз уже начали выдвигаться воинские части. – Губернатор отдышался и достал платок, больше напоминающий небольшую простыню. – Заварили кашу, а теперь хвостом вертят. Просят своих партнёров по НАТО быть верным союзническим обязательствам и передать все находящиеся в районе акватории «Шельфа» корабли из состава Объединённых сил ООН для усиления своего флота. Англичане и немцы уже вошли в акваторию. – Губернатор принялся вытирать потоки пота, шумно дыша. – Китайцы и арабы готовятся пересечь границу двенадцатимильной зоны. Ждут только нас, а мы пока молчим. ООН выдает заявления одно за другим со скоростью какого-нибудь прыгучего писака из жёлтой бульварной газетенки, только вот америкосы плевать на них хотели. –

Губернатор окончательно выдохся.

– Всем нужна нефть, – ухмыльнулся Шрецкий, – американцы сделают так, как выгодно им, и весь этот ооновский трезвон их не остановит. Ну а прилипалы из НАТО будут глядеть в рот дяде Сэму в надежде отхватить с барского стола кусочек шельфа послаще. Штаты сделали неплохой ход, ядерный конфликт не нужен никому, а вот переписать квоты добычи нефти, воспользовавшись случаем, было заманчиво. Неудивительно, что Москва столь тщательно обдумывает свой шаг. Ситуация непростая: с одной стороны, союзнический долг и платформа на «Шельфе», с другой – отношения с американцами, совместное строительство двенадцатой платформы МКС и второй очереди лунного поселка. Если Вашингтон заморозит финансирование своего участка...

Настенный голографический экран вспыхнул российским триколором, и голос диктора торжественно объявил о прерывании всех программ в связи с заявлением Президента. Глава государства, как всегда, источал уверенность и серьёзность. Он начал с описания момента. Шрецкий с любопытством ждал сути. «Интересно, как ты выкрутишься». – Олигарх завидовал умению Президента сохранять лицо в проигрышных ситуациях. В определённых кругах за эту способность Президент получил за глаза прозвище Невалышка. Однако то, что происходило сейчас, было далеко не стандартной политической проблемой. Наконец Президент огласил позицию страны. Чего-то подобного Шрецкий и ожидал. Россия верна союзническому долгу Альянса и в случае агрессии окажет помощь союзникам. Однако боевые корабли Российского флота не будут пересекать границу двенадцатимильной зоны, так как мы надеемся на дипломатическое разрешение проблемы. Россия предлагает США вернуть шельф под юрисдикцию ООН и создать специальные объединённые силы охраны «Шельфа». После чего Президент выразил соболезнования семьям и родственникам погибших моряков и подчеркнул необходимость сохранять ясный ум и трезвость мышления, которые как никогда необходимы сейчас России.

«Так вот как, значит, хочешь быть хорошим и нашим, и вашим. А получится?» – Шрецкий уже представил бурю эмоций в штабах оппозиции.

Выступление Президента закончилось, и телепрограмма продолжилась ток-шоу модного политического обозревателя, который с жаром принялся обсуждать заявление главы государства.

– Таким образом, господа, – Шрецкий отвернулся от экрана и подытожил: – Президент дал понять, что место на передовой Россия занимать не будет. А значит, его завтрашнее присутствие на сдаче «Подземстроя» вполне возможно. Я свяжусь с Президентом, как только у него появится возможность провести с нами разговор. Все необходимые для этого действия уже предприняты. Пока же предлагаю обсудить наши дела.

Обсуждение шло уже три часа, громадьё планов губернатора сотоварищи, связанных с возможностью личной встречи с Президентом, вполне соответствовало необъятным размерам самого губернатора, сменившего за время разговора с десятком носовых платков-простыней. Шрецкий мысленно скривился: «Ещё один метит в московское кресло». Судя по всему, Петр Викентьевич пытался набрать очки, где только возможно. Похоже, решил, что засиделся в регионах, начал работать на перспективу... Что ж, и из этого можно будет извлечь ощутимую выгоду. А связи с Президентом до сих пор нет, вот это уже не самый хороший признак.

Размышления Шрецкого прервал очередной экстренный выпуск новостей, возвестивший о заявлении Генерального секретаря ООН, официально потребовавшего от США немедленно прекратить эскалацию конфликта и вернуть «Шельф» под юрисдикцию ООН, после чего было объявлено о созыве экстренного заседания. Однако на этом новости не закончились. Все крупные информационные агентства наперебой сообщали о целом ряде провалов плана США по самостоятельной охране своих посольств на территории «государств с неблагоприятной политической обстановкой». Страны Арабской коалиции не допустили на свои территории американские армейские подразделения, о чём официально уведомили Белый дом. Народные возмущения в этих странах разрастались, то тут, то там на граждан США набрасывалась разъярённая толпа, стали поступать сообщения о новых жертвах. В России оппозиция не замедлила воспользоваться невнятной позицией Президента, на коммерческих каналах телевидения представители политических партий и блоков, не преминувших извлечь для себя выгоду из создавшегося положения, уже гневно критиковали правительство и партию власти, требуя более жесткой реакции на гибель наших моряков.

«Ну как же можно упустить такой прекрасный случай и не заработать пару-другую процентов избирателей». – Шрецкий был далек от мысли, что потопленный корабль и на самом деле что-то значил для акул от политики. Он

хорошо помнил сильнейший политический резонанс, казалось бы, достаточно далекого от России индо-пакистанского конфликта. Конечно, ситуация там была гораздо более серьёзной, ещё бы, в общей сложности четыре обоюдных ядерных удара. Мир тогда содрогнулся, и многие смекалистые политики среднего уровня сделали себе громкое имя на этом. Вот и сейчас Шрецкий безошибочно угадывал амбиции почуявших многообещающий шанс политиканов.

«Слетаются стервятники. Самые лакомые куски всегда достаются первым. Скоро начнут локтями отталкивать друг друга», – мысленно усмехнулся олигарх.

В этот момент корреспондент на экране сообщил, что флоты Китая и Арабской коалиции вошли в двенадцатимильную зону «Шельфа». Командующий флотом НАТО потребовал немедленного прекращения продвижения и возврата флотов на исходные позиции, обещая в случае неповиновения выполнить приказ Конгресса и уничтожить нарушителей. Практически сразу последовали заявления Пекина и Тегерана с требованием передачи «Шельфа» под контроль представителей ООН. Флоты сближались, время шло, однако никакого развития событий не последовало.

– Ваше мнение, Эдуард Романович, – губернатор достал очередной платок, – как дальше будет протекать конфликт? – Даже мощнейшая система кондиционирования, ионизации и обогащения воздуха, установленная в кабинете, не могла ничего противопоставить граду пота, катившемуся по багровому от одышки лицу губернатора. В тёмно-зелёном костюме, вместившем в себя его необъятную тушу, губернатор напоминал Шрецкому гигантскую болотную жабу.

– Полагаю, как и раньше в подобных ситуациях. – Шрецкий тщательно проследил, чтобы ничто не выдало брезгливость в его взгляде. – Побряцают оружием и разойдутся. Штаты и основные участники этого представления получат в результате пересмотренные и увеличенные квоты. Остальные, кто и так имел мало, будут иметь ещё меньше. Ради чего это все, бесспорно, и затевалось. Никому не нужен второй Индо-Пакистан, так что в дальнейшем сотрясать воздух будут только политики и...

«Экстренное сообщение из зоны конфликта! Три минуты назад флот НАТО нанес удар по передовым кораблям флотов Китая и Арабской коалиции!» – Комментатор буквально захлебывался словами.

Экран показывал картину настоящего побоища: корабли, охваченные пламенем и клубами густого дыма; корабли, разорванные на части и стремительно тонущие; корабли, неестественно зарывшиеся в воду... Картинка шла со спутника, и не было возможности разобрать мелкие детали, но уже было понятно, что дело приняло серьёзный оборот. Море вокруг тонущих кораблей было усеяно спасательными плотами и пытающимися выжить людьми.

«Ещё нет данных о потерях, но и так видно, что они огромны, спасательные суда срочно пытаются оказать помощь выжившим...»

Внезапно голос комментатора перешёл почти на крик: «Только что нами получено сообщение: флоты Китая и Арабской коалиции нанесли массированный ответный удар...»

Шрецкий встал и обвел взглядом застывших в шоке людей.

– Господа, мне необходимо срочно вылететь в Москву.

Шрецкий сидел в VIP-зале аэропорта Толмачево. Он был мрачен. Ни о каком прибытии Президента речь уже не шла. Под вопросом был и сам факт завтрашней сдачи «Подземстроя» госкомиссии. Сейчас необходимо как можно скорее оказаться в Москве, надо держать руку на пульсе событий. Самолет срочно готовили к вылету, однако раньше чем через час вылететь не удастся. Охрана и свита молча застыли вокруг, словно превратившись в каменных истуканов, лишь избалованный отпрыск всесильного олигарха, как всегда, капризничал, недовольный чем-то. Нянька и гувернантка тихо пытались успокоить вредного наследника, предлагая ему откусать сладостей или заняться компьютерной игрой. В конце концов выбор пал на компьютер.

Шрецкий собрался было в который раз поторопить референта с подготовкой вылета, но тот уже был рядом и включал коммуникатор.

– Экстренное сообщение по каналам новостей, Эдуард Романович. – Казалось, что находящиеся в зале люди перестали дышать. В гробовой тишине звук динамиков разнесся по всему залу:

«...обменялись ядерными ударами. Связь с акваторией «Шельфа ООН» и прилегающими к нему районами потеряна. Мы срочно пытаемся получить любую информацию с места трагедии...»

– Сообщите капитану самолета, что, если мы не вылетим через полчаса, он может искать себе новую работу. – Шрецкий практически рычал на референта.

Через пятнадцать минут Шрецкий поднимался на борт своего личного самолета. Усевшись за рабочий стол, олигарх проводил взглядом промчавшегося по салону в направлении компьютерного симулятора сына. Коммуникатор моргнул лампочкой внутренней связи, и командир экипажа доложил, что до взлета осталось десять минут.

В этот момент референт включил голографический экран и доложил:

– Эдуард Романович, правительственное сообщение.

Изображение государственного флага сменилось каменным лицом премьер-министра. Без лишних слов и нелишних объяснений премьер сообщил об объявлении в стране военного положения и призвал к соблюдению спокойствия и недопущению паники, назвав это вынужденной временной мерой. На этом правительственное сообщение закончилось.

– Соединяйте меня с Президентом до тех пор, пока не соедините. И обеспечьте мне связь с Министерством обороны. Скажите капитану, что нам необходимо быть в Москве так быстро, насколько это вообще возможно.

– Слушаюсь, Эдуард Романович.

Как только самолет набрал высоту, Шрецкий затемнил иллюминатор. Солнце оставалось позади самолета, но даже с этой стороны дневного света, столь нелюбимого олигархом, было ещё много, он раздражал и мешал думать. Переговорить с Президентом по-прежнему не удавалось, Министерство обороны тоже молчало. Шрецкий понимал, что сейчас там творится, но до Москвы оставалось почти половина пути, а информацию надо было иметь на руках немедленно.

– Эдуард Романович, Министерство обороны, Игорь Федорович, – прервал его размышления референт.

Коммуникатор подмигнул индикатором защищённой линии связи, и Шрецкий выдохнул:

– Приветствую тебя, Игорь Федорович, что происходит?

– Конфликт у «Шельфа» вышел из-под контроля, – не отвечая на приветствие, заговорил замминистра, почти не делая пауз, – арабы с китайцами имели серьёзное численное превосходство и раздавили натовцев, но те напоследок ответили ядерными ударами. Компьютеры идентифицировали пуски ядерных ракет, и наши союзники ответили. Всё произошло менее чем за десять секунд. После чего связь с флотами была потеряна. Точно не известно, что же конкретно там произошло, но не все ядерные ракеты имели целью корабли противника. Были приняты меры, однако подлётное время ракет, выпущенных с подлодок, невелико, китайцы не успели перехватить несколько боеголовок, одна из них ударила по Пекину. Нашим друзьям арабам тоже досталось. Сейчас идет срочная эвакуация всех жизненно важных объектов и учреждений, мы предпринимаем все меры, чтобы избежать паники, но эвакуация крупных городов – дело крайне сложное. – Замминистра перевёл дух.

– Игорь, но почему военное положение? – Шрецкий забыл о приличиях, всё ещё отказываясь верить в самое худшее. – Для чего эвакуация? После драки кулаками не машут...

Замминистра помолчал секунду и ответил неожиданно ровным голосом:

– Девятнадцать минут назад Китай произвел массированные пуски. Цель – страны – участницы конфликта. Остаточное подлетное время – одиннадцать минут. Шестнадцать минут назад натовцы ответили. Цель – страны Альянса. Подлетное время четырнадцать минут. Нас тоже задевает. Девять минут назад китайцы с арабами произвели пуски второй волны удара. По нашим расчётам, через три – пять минут будет третья волна. Шесть минут назад НАТО произвела пуски второй волны. – Генерал сделал паузу и абсолютно спокойным тоном закончил:

– Первую волну мы перехватим. Возможно, почти всю вторую, хотя это «почти» уже никому не поможет. А потом будет третья... Четвёртую перехватывать будет нечем. И некому. У нас нет выбора – нам придется ответить. Никто в мире не успел провести серьёзную эвакуацию, понимаешь? Никто. На это просто не хватило времени. Президент покинул Кремль. Откуда я говорю с тобой, ты уже понял. Так что, Эдик, сиди в своём «Подземстрое» и радуйся, что ты так удачно там оказался. – Генерал, не прощаясь, отключился.

Шрецкий обвел глазами самолет и понял, что взгляды всех сейчас обращены на него. Только сынишка увлечённо громил очередных компьютерных монстров, не отрывая глаз от голографического экрана, на котором то и дело вырастали грибы ядерных взрывов.

Олигарх ткнул сенсор связи с экипажем и произнес, с трудом не срываясь на крик:

– Срочно возвращаемся в Новосибирск!!!

Самолет уже заходил на посадку, когда в вечернем небе ослепительно вспыхнуло второе солнце.

Часть первая

«4.1. В связи с невозможностью полного излечения последствий пребывания в условиях внешней среды, все сотрудники Внешней группы должны содержаться в тщательном карантине.

4.2. Доступ в карантинный подуровень разрешен только персоналу Лечащей группы медицинского отдела. Во избежание угрозы заражения всякий контакт иных лиц с Внешней группой строжайше воспрещается.

4.3. С целью продления жизни сотрудников Внешней группы и повышения эффективности исследований, направленных на разработку способов борьбы с астерильностью, весь состав Внешней группы, не задействованный в

исследованиях медицинского отдела, в свободное от исполнения функциональных обязанностей время должен находиться в анабиозных капсулах».

Из Приказа директора по медицине от 14 октября 2111 года.

1

Старший смены охраны на Пункте проверки документов № 1 тщательно старался не смотреть в сторону проходящих мимо него в Первый шлюз Шрецкого со свитой. Наконец полутораметровая свинцовая стена шлюза опустилась и скрыла источник его страхов. Любая неосторожность в присутствии хозяина могла стоить работы в ту же минуту. Шипение воздуха в системе герметизации ворот стихло, и индикаторы консоли управления возвестили о начале шлюзования перед выходом на внешнюю территорию. Старший с облегчением вздохнул и повернулся к новенькому:

– Ну, всё, Тринадцатый, можешь собирать вещички. Уволят тебя завтра же, если не сегодня, это как к гадалке не ходи. Хозяин таких выходов не прощает.

Ему было немного жаль новенького, хотя тот был со странностями. Говорил мало, в компаниях не участвовал, даже не «проставился» по случаю прибытия на новое место работы. Вне службы в город не уезжал, свободное время проводил либо в спортзале, либо в своём небольшом номере. С неделю тому, в неформальной, так сказать, обстановке, замначальника службы охраны бункера, приходившийся старшему родственником, опрокинув рюмку, упомянул, что изучал личное дело вновь прибывшего сотрудника. Бывший майор ГРУ. Зовут его Алекс Тринадцатый, но позвать парня по имени было бесполезно, отзывался новенький только на свой странный позывной, который абсолютно совпадал с его не менее странной фамилией. Досталось мужику от жизни порядком. Спецназ, горячие точки, госпиталя... Лет десять вылезал из мясорубок только на стол к хирургам, вот после очередной такой передряги и списали на гражданку. Впрочем, теперь всё это ему не поможет. Все знают, что никто из тех, кто имел неосторожность смотреть в глаза хозяину, долго на работе не задерживался.

Тринадцатый едва заметно пожал плечами и ничего не ответил.

После известий о гибели российского корабля в акватории «Шельфа ООН» всеобщее приподнятое по случаю приближающегося дня открытия бункера настроение померкло. Люди напряжённо ловили слова комментаторов, которые снова и снова сообщали о нарастании напряжения. Случайных людей в службе охраны не было, кто был из служивых, кто из компетентных органов, поэтому о том, что такое гибель наших солдат, тут знали не понаслышке.

Вскоре в бункер прибыла очередная группа жильцов, так между собой персонал окрестил владельцев жилых площадей «Подземстрой». Рейсовые автобусы вот уже третий день каждые два часа доставляли из города людей, прибывавших на открытие бункера. Только сейчас на лицах выходящих из шлюза уже не было улыбок – известия не оставили равнодушными никого. Старший хмуро глядел на мониторы внешних камер, показывающих выползающую из ворот внешней территории тройку автобусов, возвращающихся в город за следующей партией жильцов, и думал о семье. Жена и две дочери ждали его возвращения домой после недельной вахты только через три дня, но ему было бы гораздо спокойнее, если бы сейчас они были в бункере. Мелькнула мысль связаться с замом начальника службы и по-свойски договориться о приезде семьи. Не положено, конечно, но... Старший решил, что, как только произойдет смена на ужин, сразу же поговорит с родственником.

Сообщение о применении ядерного оружия в акватории «Шельфа ООН» застало директора по науке в своём кабинете за чашкой кофе. Несколько секунд седой академик осмысливал услышанное, потом решительно протянул руку к коммуникатору. Но доклад секретаря опередил его:

– Лев Ильич, управляющий директор просит вас срочно подойти к нему. – Женский голос дрожал.

Академик не стал терять время. Межуровневый лифт располагался недалеко от кабинета, и через полминуты главный учёный заходил к главному управляющему. Директор по медицине уже был здесь.

– Господа, Шрецкий только что вылетел в Москву, так что всё руководство бункера на текущий момент собралось здесь. Вы слышали новости, это ужасная трагедия, мир ещё не оправился от индо-пакистанской катастрофы, – управляющий директор ослабил галстук, он заметно нервничал, – глава

корпорации не оставил никаких указаний и не отвечает на вызовы...

Директор по науке не стал дожидаться окончания фразы и приступил к делу:

– Люди переживают за своих родственников. Вот уже несколько часов поступают просьбы сотрудников разрешить вызвать сюда свои семьи. Многие живут в Новосибирске.

– Поддерживаю. Мои люди просят о том же, – вступил в разговор директор по медицине.

– Но, господа, мы не имеем права! В бункере пять тысяч сотрудников, если сюда начнут прибывать их семьи... – пытался сопротивляться управляющий.

– Бункер в состоянии вместить всех. Вы прекрасно знаете наши возможности. – Главный медик, светило мировой величины, как всякий гений, ненавидел политесы. – Наши с вами семьи тут, и мы спокойны. Поэтому давайте-ка побеспокоимся за вверенных нам людей!

– Но господин Шрецкий не потерпит такого самоуправства. – Управляющий, представив себе реакцию олигарха, попробовал последний довод.

– Репутация господина Шрецкого только выиграет от столь благородного жеста, – отрезал академик. – Хватит ходить вокруг да около, надо принимать решение. В эти минуты половина персонала сходит с ума от страха за своих близких.

Управляющий директор помедлил ещё пару секунд. Самый молодой из трёх директоров, он, тем не менее, был старшим по занимаемой должности. Управляющий работал в империи Шрецкого второй десяток лет и был далеко не глуп, дело своё знал, иначе бы не занимал эту должность. Быстро взвесив все «за» и «против», он принял решение, а после принятия решения никаких сомнений уже быть не может. Может быть только уверенное достижение цели. Именно за это качество управляющий ценился хозяином. Он тронул сенсор коммуникатора и отдал приказ вошедшему помощнику:

– Немедленно объявить всему персоналу, что сотрудники, желающие вызвать свои семьи в бункер, получают на это разрешение. Также оповестить весь персонал отдыхающей от вахты смены о необходимости срочно прибыть в «Подземстрой». Свяжитесь с автобусами и отдайте соответствующие распоряжения о доставке людей из города. Выполняйте.

Управляющий директор повернулся к коллегам и закончил:

– Господа, нам необходимо подготовить бункер к приему новых жильцов.

Но было уже поздно.

Правительственное сообщение о введении военного положения повергло всех в шок. Люди, ожидающие прибытия своих близких, не находили себе места. Пункты связи бункера с внешним миром мгновенно были заполнены пытающимися дозвониться до своих семей. Из города поступали известия о начавшейся эвакуации. Повсеместной паники ещё не возникло, но нервное напряжение достигло предела, многие жители попытались самостоятельно добраться до «Подземстроя» в надежде получить убежище, и на выезде из города в направлении бункера образовалась гигантская пробка. Рейсовые автобусы бункера, успевшие покинуть пределы Новосибирска, были загружены под завязку, люди стояли настолько плотно, что порой не могли пошевелиться. Водители сообщали, что вынуждены двигаться медленнее обычного не только из-за перегруза. Дорога к бункеру всё сильнее заполнялась электромобилями, спешащими добраться до «Подземстроя», внутри которого сотни глаз не отрывали взглядов от мониторов внешних камер. Но дорога, серой лентой выползающая из ворот бункера в тайгу, была пуста.

Управляющий директор в который раз безуспешно пытался связаться со Шрецьким из кабинета хозяина. Здесь была мощнейшая аппаратура связи новейшей разработки, но это не помогало, референт олигарха отклонял все звонки, видимо, следуя указанию Шрецького. Внезапно автоматика приглушила звуки всех экранов и во всю стену вывела спутниковую карту мира. Управляющий поднял взгляд и замер. Армейская навигационная система выдала сотни отметок в атмосфере и стратосфере над обоими полушариями,двигающимися встречными курсами. Ниже кроваво-красным пульсировали строчки идентификации: «Внимание! Ракетная атака! Количество отметок: 18»

Под зловещим предупреждением система уже выводила данные расчётов по каждой из захваченных целей. Напротив ближайшей уже горели цифры характеристик: «Расчётное подлетное время 27 минут 39 секунд. Расчётная дистанция до точки поражения 102,178 км». Управляющий, как в тумане, смотрел на всё увеличивающееся количество отметок и отказывался верить своим глазам. Рёв баззеров боевой тревоги, разнесшийся по бункеру, вывел его из оцепенения.

Старший смены охраны на пункте проверки документов положил трубку внешней связи. Он заметно нервничал.

– Жена говорит, что добраться удастся не раньше, чем через час. Вечереет, дорога не очень, к тому же забита сильно, много народу сюда спешит. Хорошо ещё, что быстро выехали из города, представляю, что сейчас творится на дорогах.

– Внутренний телефон скоро расплавится, – ответил оператор шлюза, – тут сотни людей ждут свои семьи. Но до нас от города добрых два часа езды, так сразу не поспеешь...

Рёв баззера заглушил его слова. Люди переглянулись. Опытные специалисты знали разницу между звуком сирены учебной тревоги и зловещим сигналом боевой. Старший побледнел и выдохнул:

– Неужели война...

«Внимание! Боевая тревога! Всему персоналу занять места согласно боевому расписанию. Гражданским лицам предписывается не перемещаться за пределы жилых подуровней до особого разрешения!» – ожили динамики системы оповещения.

Пульт связи замигал сигналом вызова.

– Управляющий директор! – старший смены ткнул сенсор ответа.

– Пункт проверки документов № 1, старший смены Сорок Восьмой, слушаю вас, господин управляющий директор, – по форме доложил старший.

– Согласно инструкции при объявлении боевой тревоги весь личный состав обязан покинуть поверхность и занять свои места в бункере в соответствии с боевым расписанием. – Голос управляющего был твёрд и решителен.

Он сделал вдох и продолжил:

– Приказываю всем сотрудникам, несущим службу на поверхности, своих постов не покидать. Мы будем ждать прибытия людей из города столько, сколько это будет возможным. – Директор на мгновение замолчал и совсем не командным тоном закончил:

– Там наши семьи, там наши дети. Мы должны дождаться.

Дорога на мониторах слежения по-прежнему была пуста. Тысячи людей в эти минуты не сводили с неё глаз.

Вспышка надземного термоядерного взрыва в вечернем небе над городом была настолько яркой, что у охранников, несущих службу на вышках внешней территории, в момент взрыва смотревших в сторону города, мгновенно была сожжена сетчатка глаза. Ослепшие, обезумевшие от боли люди в попытках покинуть вышки падали вниз, ломая конечности, их крики сливались с воем испытывающих ужас караульных собак в леденящую душу какофонию смерти. Вспышка и мощный электромагнитный импульс мгновенно вывели из строя все камеры и датчики, установленные снаружи. Мониторы ослепли. Люди замерли в шоке.

Не проронивший до этого ни слова Тринадцатый одним движением преодолел пятиметровое расстояние и оказался перед оператором шлюза:

– Открывай ворота! Взрывная волна скоро будет здесь, там снаружи два десятка человек. Быстрее! – и развернувшись к остальным, добавил: – Выходим, наша помощь там не помешает.

Толстая плита внешних ворот шлюза лениво поднялась, и глазам четверых человек предстала жуткая картина. Далеко за горизонтом, там, где находится город, над стеной тайги, возвышаясь над заревом вспыхнувшего лесного пожара, зловеще клубился огромный серый гриб. В вечерних сумерках он походил на гигантского паразита, впившегося в кожу земли и сосущего из её артерий. Его серые бока волнообразно расширялись, создавая ощущение, что ненасытная мерзкая тварь растёт, наливаясь выпитой кровью. Стоны раненых и вой собак тонули в нескончаемом крике тысяч испуганных птиц, спешивших улететь подальше от опасности. Живой поток пернатых над головами людей стремился обогнать приближающуюся смерть.

– Подобрать раненых! Всем в шлюз! – Тринадцатый пытался перекричать шум. Оставить людей на внешних постах было явно неудачным решением. Видимо, начальство понадеялось на удалённость взрыва. И напрасно.

Дважды повторять не пришлось. Бойцы группами по три человека бегом несли на руках раненых. Огромные свирепые волкодавы, словно напуганные щенята, поджав уши, жались к ногам людей, жалобно скуля.

Тринадцатый помог дотащить раненого в шлюз. Ослепший наблюдатель, падая с вышки, сломал ноги и ребра, похоже, было повреждено лёгкое, человек хрипел и кашлял кровью. Его осторожно положили на пол. Тринадцатый развернулся к выходу. Последние бойцы вбегали в ворота, а со стороны гигантского гриба уже была видна на горизонте неумолимо надвигающаяся полоса смертоносной тьмы, словно в пустыне жестокая песчаная буря готовилась навеки поглотить зелёный цветущий оазис. Тринадцатый подал сигнал оператору, и плита внешних ворот опустилась вниз. Люди уже выходили из первого шлюза, когда взрывная волна достигла бункера. Рёв сокрушительного удара взбесившейся воздушной массы был слышен даже через трёхметровую толщу свинца и стали.

Управляющий директор не покидал кабинета с момента принятия решения о вывозе семей сотрудников, координируя подготовку бункера к приему новых жильцов. Но дорога, ведущая к «Подземстрою», была пуста. Компьютер беспристрастно отсчитывал время до удара, и управляющему ничего не оставалось, как с ужасом смотреть на стремительно тающие цифры. Изображение пустой дороги сменилось яркой вспышкой, и мониторы погасли. Директор закрыл глаза, представив, что сейчас испытывают люди, до последней секунды надеявшиеся на спасение своих близких. Он посмотрел на карту, где

продолжала разворачиваться трагедия, и почувствовал почти физическую боль. Ведь спасение было так близко, они не успели совсем немного... Немного! Пронзившая мозг мысль была подобна раскалённой спице. Управляющий сосредоточился на показаниях компьютера. Система работала. Значит, электромагнитный импульс не прошёл защиту армейской техники. Значит, ещё работали спутники, действовали защищённые командные пункты военных. Значит, удар не был столь сокрушителен. Но главное было в том, что система оповещения снова пульсировала предупреждением о приближающемся ударе. До удара оставалось шестьдесят четыре минуты. Шестьдесят четыре! Внезапная догадка давала надежду. Директор судорожно забарабанил пальцами по консоли компьютера, вводя параметры запроса. Через минуту картина была ясна.

Военные успели перехватить практически все боеголовки первой волны удара, имевшие цели в районе города. Этот сверхмощный взрыв был единственным. Согласно анализу системы, все оставшиеся противоракетные силы и средства брошены навстречу второй волне. Остановить её не удастся, но, по расчётам компьютера, бункер не попадает в зону непредотвратимых ударов. Что будет, когда третья волна достигнет цели, управляющий думать не хотел. У него оставалось ещё шестьдесят две минуты. Людям, надеявшимся укрыться в бункере, до спасения не хватило каких-то пяти-шести минут в тот момент, когда электромагнитный импульс сжег электромоторы машин. Даже после ударной волны должны были остаться выжившие. Нельзя терять ни секунды.

Управляющий директор активировал конференцсвязь с руководителями структурных подразделений и уверенно произнес:

– Внимание! До следующего удара остается шестьдесят две минуты. Приказываю: начальнику охраны немедленно организовать спасательный отряд для выхода на внешние территории, осмотреть дорогу и принять меры для поиска и эвакуации всех выживших людей. Инженерному отделу срочно поднять на поверхность весь имеющийся транспорт в распоряжение спасателей. Медицинскому отделу быть готовым к приему пострадавших. Всем руководителям поддерживать непрерывную связь, докладывать мне лично каждые две минуты, командиру спасательного отряда – доклад ежеминутно.

Тайга смягчила удар взрывной волны, основной таран воздушной массы прошёл над лесом, ломая верхушки мощных деревьев и выворачивая с корнем слабые.

Колючие ограждения, наблюдательные вышки и бетонный забор разнесло на куски, после чего на пути воздушной массы встала Медвежья. Камни и грунт вперемешку с обломками забора и построек загромождали некогда идеально ровную бетонную площадку внешней территории. Мощный восьмиосный электровездеход, поданный инженерным отделом на поверхность через грузовые ворота, расчищал в завалах дорогу для двух своих собратьев поменьше, призванных вывозить пострадавших.

Спасательный отряд, не желая терять драгоценного времени, уже спешил к выходящей из покорёженного леса дороге. Спасателей наскоро сформировали из находящихся ближе всех к внешней среде охранников шлюзов и внешней территории. Сейчас, разбившись на две группы, двадцать человек бегом двигались вдоль краев дороги, обходя поваленные деревья, сорванные ветви, выкорчеванные кусты. Земля была усеяна трупами птиц и мелких животных, спустя несколько минут начали находить тела людей. Вскоре обнаружили первых выживших. Когда электромагнитный импульс ядерного взрыва сжег цепи электродвигателей, люди пошли пешком, но взрывная волна настигла пытающихся спастись в нескольких километрах от бункера. Лес ослабил силу удара, многие успели укрыться за стволами деревьев, за камнями, в складках местности, но среди уцелевших было много раненых и покалеченных. Двигаться самостоятельно они не могли, их приходилось вытаскивать на руках, носилок не хватало. Раненых грузили на вездеходы, способных идти наскоро объединяли в группы и направляли к бункеру. Людской поток возрастал.

Сорок восьмой, возглавляющий одну из спасательных групп, вышел на радиосвязь с командиром отряда.

– Докладываю: прошли шесть километров, обнаружили уже около трёхсот выживших. Много раненых, пришлите вездеход, на руках не дотащим, тут в основном женщины и дети, мужиков мало, нести некому. Дальше дорога делает поворот вокруг холма, завалы метров пять высотой, с холма сюда всю растительность срезало, вездеходы там уже не пройдут, только если пешком пробираться. Уцелевшие говорят, что где-то за этим холмом остались заглохшие машины и наши автобусы.

Он выслушал указания командира и осмотрелся вокруг. Спасатели торопились выжать максимум из стремительно истекавших минут, все действия выполнялись только бегом, уцелевшие люди старались помочь вытаскивать раненых из-под лесных обломков, но сил всё равно не хватало.

– Тринадцатый! – окликнул старший новенького. – Получен приказ отправить небольшую группу оповещения в глубь дороги. Задача: не отвлекаясь на оказание физической помощи, пройти как можно дальше, оценить ситуацию, всех найденных направлять своим ходом к бункеру. Мы сейчас дальше всех, так что пойдешь старшим. Бери с собой тех троих и вперед. Держи связь и следи за временем, до удара осталось двадцать минут.

Тринадцатый уложил очередного раненого на дорогу и кивнул. Через полминуты четверка бойцов скрылась за изодранным холмом, от которого осталось лишь скальное основание метров десяти высотой. Продвигаться бегом дальше было уже невозможно, обломки деревьев лежали слишком густо. Наконец холм удалось обойти, и глазам четверых спасателей предстала ужасная картина разыгравшейся полчаса назад трагедии. Вся дорога, насколько хватало взгляда, была заполнена искорёженными машинами и переломанными деревьями. Повсюду лежали тела погибших. Многих смерть застала в своих автомобилях. В километре дальше по дороге были хорошо видны изодранные остатки автобусов бункера.

– Идем парами. Вы вдвоем – по левой, мы – по правой стороне дороги. Работаем пять минут, потом обратно, иначе рискуем не успеть, вездеход уйдет за три минуты до удара. Не останавливаться. Бегом марш! – Тринадцатый отдал команду на бегу, не останавливаясь.

Бойцы бежали вдоль дороги уже четыре минуты, уцелевших по-прежнему не было. Тринадцатый вышел на связь с командиром спасателей:

– Прошли километр, живых нет. Судя по всему, выжили только те, кто успел выйти за холм. Он смягчил удар. Темнеет, скоро тут вообще ничего не будет видно.

– Возвращайтесь. До удара четырнадцать минут. Вездеход уйдет за три минуты.

Тринадцатый махнул рукой, и маленькая группа повернула назад. В этот момент сзади донесся крик:

– Помогите!

Бойцы обернулись. Из леса, опираясь на ветку, словно на костыль, выходила немолодая женщина. Группа рванула к ней. Женщина была не одна, мальчик лет десяти поддерживал её за руку, помогая идти.

– Родненькие, я уж думала, так и сгинем в этом кошмаре, – запричитала женщина, – что же это делается-то, помилуй, господи, нас грешных...

– Вас только двое? Ещё есть кто-нибудь живой? – резко перебил её Тринадцатый. Сейчас не до истерик, времени оставалось всё меньше.

– Там, в овражке, там все сидят. – Женщина взяла себя в руки. – Из автобусов мы, мужики наши в бункере работают, к своим мы ехали, вызов как только пришёл, вот мы и... – женщину била мелкая дрожь, – как рвануло-то, в овражек сразу, я его заприметила из автобуса, когда ехали, вот мы туда и попрятались. – Она выдала фразу на одном дыхании и перевела дух. – Физику я в школе преподаю, сразу поняла, что прятаться надо.

– Сколько там живых и где этот овраг?

– Человек сто будет, одни бабы да детишки, кто меня послушал. Остальные по дороге дойти пытались... тут недалеко совсем, метров пятьдесят, я покажу, родненькие...

Бойцы переглянулись. Было ясно, что вывести людей до удара невозможно. Женщины и дети были обречены на гибель. Тринадцатый секунду подумал и вышел на связь с командиром спасателей:

– Я Тринадцатый. Обнаружил выживших. Около сотни, семьи сотрудников бункера, тут только женщины и дети. Вывести до удара не успеем. Будем выводить за холм, времени должно хватить. На дороге от холма до бункера необходимо отрыть спасательные траншеи, попробуем от одной к другой добраться до бункера. Как принял меня?

– Принял тебя хорошо. – Голос командира спасателей звучал глухо. Его семья тоже была где-то на этой дороге, эфир затих – десятки людей напряжённо ловили каждое слово. – Сделаем всё, что можем. Торопитесь, двенадцать минут до удара.

Боец развернулся к женщине и коротко бросил:

- Показывай дорогу.

Овражек оказался относительно глубоким и довольно узким, взрывная волна пронеслась над ним, не задев укрывшихся людей. Поваленные деревья образовали подобие крыши над оврагом, и сейчас он напоминал большую землянку, в которую забились испуганные люди.

- Внимание! Соблюдайте спокойствие! Мы - спасательная команда, сейчас мы проводим всех в бункер. - Тринадцатый говорил громко и подчеркнуто спокойно, чтобы добавить людям хотя бы немного уверенности. - Техника по завалам не пройдет, поэтому идти придется пешком, и идти надо быстро, не растягиваться, времени у нас мало.

Спорить никто не стал.

- Ты поведешь голову колонны, вы - оцепление слева и справа, я замыкаю.

Спасатели приступили к делу. На обочину дороги вышли быстро, но идти было непросто. Вид искореженных машин и лежащих повсюду тел погибших поверг уцелевших в состояние, близкое к паническому ужасу. Многие плакали, кто-то упал в обморок. Охранники метались вдоль колонны, оказывая помощь, но продвижение шло медленно, дети просто не могли идти ещё быстрее.

- Тринадцатый, что там у тебя? - вышел в эфир командир отряда.

- Двигаемся к холму, прошли половину пути.

- Три минуты до удара. Мы отрыли щели поперек дороги. Первая в двух километрах от холма, вторая в четырёх. Большого не успеть. Какая вам нужна помощь? У нас много добровольцев, хотят идти тебе навстречу.

- Надо готовить грузовой вход, пассажирский всех не вместит. Если есть люди с носилками, пусть встречают около холма, у нас много детей, идем медленно.

- Есть расчёт места удара? Как далеко от нас?

- Сейчас. - Командир отключился, видимо, запрашивал бункер.

Голова колонны была уже недалеко от холма, но люди сильно растянулись по узкой обочине, преодолевая попадающиеся на пути препятствия. Женщины и дети старались изо всех сил, самых маленьких приходилось нести на руках.

Рация снова ожила:

- Расчёты сообщают о серии из трёх взрывов, пройдут практически подряд. Если их мощность будет такой же, то первая ударная волна достигнет холма через пять минут, третья - через семь. После этого прямой опасности не будет минут двадцать, потом ещё серия, точнее сейчас сказать нельзя. Следующий эфир через десять минут, сейчас всем выключить рации, не то останемся без связи. До удара семьдесят секунд.

Тринадцатый выключил рацию.

- Никому не оборачиваться! Вверх не смотреть, при вспышке закрыть глаза!
Двигаемся быстрее!

Голова колонны огибала холм, когда тёмное небо осветилось ярче, чем в летний безоблачный полдень.

- Бегом!!! Бегом!!! Все за холм!!!

Две минуты - это так много. И так мало. Земля под ногами содрогнулась, кто-то упал, в лесу то тут, то там раздавался хруст дерева, беглецы выбивались из сил, пытаюсь успеть. Небо вспыхнуло снова, и почти сразу вспышка повторилась, земля дрожала под ногами.

За холмом людей встречало десятка три спасателей. Отстающих подхватывали на руки и несли практически бегом. Когда последние беглецы достигли спасительной стороны холма, позади уже был слышен монотонный вой надвигающейся воздушной массы.

- Уши заткнуть! Рот держать открытым!

Воздушный таран достиг холма. Следующие несколько минут показались вжавшимся в камень людям вечностью. Землю била крупная дрожь, небо то вспыхивало, то снова погружалось в вечернюю тьму, рёв разбушевавшейся стихии заглушал все звуки, перепады давления пытались разорвать барабанные перепонки.

Тринадцатый сросся с подножием холма. Закрыв глаза, он мысленно отсчитывал минуты. Ничего нельзя сделать. Сейчас остается только ждать. Знакомая ситуация... Сколько раз ему оставалось лишь ждать, не имея возможности что-то изменить. В госпиталях после операций, неподвижно лежащим, опутанным трубками капельниц и дренажей. После боев, у тел погибших друзей, в ожидании похоронной команды. И тогда, десять лет назад, когда, вернувшись из очередной горячей точки, прямиком в госпиталь, он с нетерпением ждал Машу. Ранение было пустяковое, всего и забот было на пару-другую сеансов биорегенерации, но врачи категорически отказывались выпустить раньше срока. Маша тогда работала на какой-то крупной бизнес-конференции, после которой она обязательно бы приехала. Она всегда приезжала. Но в тот день Тринадцатый её так и не дождался. Не появилась она и на следующий. Её телефон безразлично выдавал долгие гудки, словно игнорируя надоедливо упрямца. На третий день пришло коротенькое сообщение: «Привет, солнце! Я долго думала и поняла, что лучше мне не приезжать. Прости меня за всё». Позже общие знакомые рассказали о появившемся в жизни Маши всеильном олигархе. Сейчас, спустя десять лет, ирония судьбы свела его со Шрецким. Зла не было. Не было ни обиды, ни горечи, ни даже любопытства. Только пустота, не заполненная ничем и никем многие годы.

Боль с годами прошла, осталось лишь одиночество, с которым он свыкся за это время, словно со старым другом. И ещё была работа. Малые войны и большие конфликты вспыхивали по всему миру, без дела сидеть не приходилось. Там, в разгаре боя, он чувствовал себя нужным и полезным, там он жил. Гражданская жизнь стала какой-то чужой, далекой и непонятной, заставляя его в мирной обстановке чувствовать себя незащищённым и уязвимым, наверное, именно так себя чувствует дикий тигр, внезапно оказавшийся в центре огромного мегаполиса. Но здоровье бойца спецназа не вечно, и день, которого Тринадцатый так боялся, однажды настал. Первая неделя гражданской жизни едва не раздавила бывшего офицера одиночеством. Надо было срочно чем-то заняться, чтобы не сойти с ума, и он без колебаний согласился, когда старый знакомый, тоже из бывших, предложил порекомендовать его в службу охраны «Подземстроя-2».

Подсознание отметило проход третьей ударной волны и вытолкнуло его из воспоминаний. В ушах звенело, услышать, что происходит вокруг, было невозможно. Тринадцатый огляделся. Со стороны Новосибирска разгоралась тайга, зарево по всему горизонту освещало искалеченный лес, создавая зловещую игру теней в сумрачном небе. Четыре гигантских грибовидных облака простирались в небо, пыль медленно, но неумолимо застилала небо. Дорога представляла собой месиво из обломков деревьев, камней и грунта.

«Двадцать минут» – ввевшийся в кровь рефлекс думать в бою быстро и четко помогал принимать решения практически мгновенно. Тринадцатый стал поднимать оглохших, потерявших ориентацию в пространстве людей, жестами направляя их в сторону бункера. Спасатели пришли в себя быстро, сразу же включившись в работу. Самых маленьких детей усадили на носилки по трое-четверо, и спустя минуту колонна уже продиралась по дороге сквозь завалы. Тринадцатый включил рацию.

– Я – Тринадцатый, вызываю бункер, прием.

Один из охранников, идущих впереди, обернулся и показал кулак с торчащим вверх большим пальцем. Рация работала. Офицер повторил вызов.

– Я – бункер, слышу тебя! – через звон в ушах откуда-то издалека донесся треск эфира.

– Двигаемся к укрытию. Дорога сильно захламлена, люди контужены, скорость продвижения мала. Сколько у нас времени и что ожидать?

Треск и шумы усиливались, связь была неустойчивой, эфир забит наведёнными взрывами помехами.

– Через двадцать одну минуту будет ещё серия ударов, до вас достанет только одна волна, она будет у холма ещё через минуту. Потом у нас будет шесть минут и двадцать три секунды. После этого тут всё накроет. Похоже, по нам ударили прицельно. Расчёты показывают вероятность прямого попадания в Медвежью восемьдесят три процента. Через двадцать две минуты мы откроем грузовые ворота и постараемся выслать транспорт.

Люди боролись за свои жизни, упрямо двигаясь через завалы. Отблески зарева временами прорезали сумерки, отбрасывая длинные дрожащие тени от искорёженных деревьев, слабо освещая дорогу. Через двенадцать минут идущие достигли первой спасательной щели. Она была забита обломками деревьев, сцепившихся друг с другом. Переплетение ветвей, стволов и корней было настолько плотным, что образовавшийся барьер собрал вокруг себя гору обломков высотой в несколько метров. Завал пришлось обходить по лесу. Видимость ухудшалась, люди спотыкались и падали, раздирая в кровь руки и ноги, но никто не сдавался, дети практически не плакали, сосредоточенно продираясь сквозь искалеченный лес наравне со взрослыми. По ту сторону завала было значительно чище, люди перешли на бег, и скорость движения возросла.

Вспышка ядерного взрыва на мгновение осветила сумеречное небо, и земля вновь содрогнулась. Стремление выжить заставляло обессиленных людей двигаться на пределе возможностей. Ко второй спасательной щели они вышли, опередив летящую позади смерть на пару десятков секунд. Отвал каменистого грунта, извлечённого при сооружении укрытия, задержал обломки леса, и укрытие практически не было завалено деревьями. Спасатели спешно укладывали людей как можно плотнее друг к другу, последний человек вжался в дно за мгновения до взрывной волны. И снова рёв воздушной массы и треск ломающихся деревьев заполнили собой всё вокруг. Снова дрожала земля, и рвал барабанные перепонки перепад давления. Но на этот раз всё закончилось быстро.

Тринадцатый поднялся и посмотрел вокруг. Кое-где людей изрядно засыпало грунтом, в одном месте в щель упали обломки деревьев, значит, там есть пострадавшие. До бункера осталось два километра. До смерти – шесть минут. Не успеть. Вся надежда на вездеходы. Взбесившийся воздушный поток сделал дорогу почти чистой, но что творится сейчас у подножия Медвежьей, было не известно. Надо выводить людей на дорогу и идти, других вариантов нет. Радиосвязь была невозможна, количество и сила возмущений в атмосфере создавали непреодолимые помехи. Тринадцатый принялся поднимать людей. Когда спустя две минуты люди выбрались на дорогу, со стороны бункера ярко бил свет фар приближающихся вездеходов.

Сорок восьмой на ходу прыгнул с брони.

– У нас меньше трёх минут! Женщин и детей на малые платформы, носилки с ранеными на большую. Быстрее!!! Всем держаться крепче!

Облепленная людьми техника рванула к бункеру. В третий раз счёт шёл на секунды. Тринадцатый привычно сидел на броне и смотрел на приближающийся зев грузового входа. Ярко освещённый шлюз на фоне сумеречного неба казался далеким маяком, несшим надежду потерявшемуся в штормовой ночи кораблю.

«Тридцать секунд», – вдруг напомнило подсознание. Тройка вездеходов, не сбавляя скорости, влетела в шлюз. Огромная плита внешних ворот двинулась вниз. Шипение воздуха в системе герметизации ещё не успело стихнуть, как первый удар сотряс сопку. Все шлюзы были открыты заранее, и вездеходы, не останавливаясь, шли к лифту. Персонал давно покинул подгорное пространство на уровне земной поверхности, и сейчас здесь командовала автоматика. На пронесившихся мимо экранов системы мониторинга тревожно мигали индикаторы радиационной опасности. Как только замыкающая машина проходила очередной шлюз, мощные плиты ворот опускались, и система нагнетала в закрывшийся шлюз повышенное давление, усиливая надёжность преград. Головной вездеход был уже недалеко от ворот лифтовой платформы, когда сопка вздрогнула второй раз. Двигатели заглохли, свет фар погас. Защита не выдержала электромагнитного импульса близкого взрыва.

– Бегом!!! Все в лифт! Детей и раненых на руки! Быстро!!! – подсвечивая светом фонаря вход на лифтовую платформу, проорал команду Тринадцатый. Мимо уже бежали люди с детьми на руках, мелькали силуэты несущих носилки спасателей.

– Внимание! – разнесся звук динамиков внутренней связи. – Всем службам боевая готовность! Две минуты до прямого попадания.

Лифт пошёл вниз, набирая скорость. Сопку снова потрянуло, но платформа уже плавно уносила измученных людей на трёхкилометровую глубину.

– Одна минута до прямого попадания. – Система оповещения беспристрастно вела отсчёт.

Грузовой лифт не имел ни стен, ни крыши, и в тусклом свете аварийного освещения было видно, как по мере погружения над головами людей периодически сходились мощные створы, блокирующие лифтовую шахту.

- Тридцать секунд до прямого попадания.

Лифт остановился, и створы ворот поползли в стороны. Яркий свет ворвался в шахту и слепил привыкшие к полумраку глаза.

«Успели», - подумал Тринадцатый.

Женщины, подхватив детей, бежали к выходу. Спасатели поднимали носилки с ранеными.

- Двадцать секунд до прямого попадания.

На выходе спасшихся людей встречали сотрудники медицинского отдела, одетые в костюмы радиационной защиты.

- Десять секунд до контакта.

Стало видно, что большая часть территории грузового склада, в который открывались ворота лифта, была затянута полупрозрачной пленкой и превращена в огромный герметичный пузырь.

- Пять.

- Четыре.

- Три.

- Две.

- Одна.

- Контакт.

Всякое движение замерло. Казалось, что люди перестали даже дышать. В наступившей звенящей тишине не было слышно ни звука. Потом откуда-то

издалека слышался тихий глухой гул. Он приближался. Спустя несколько секунд этот негромкий звук заполнил собой всё вокруг, словно мириады крохотных мягких лапок невидимо крались вокруг, как будто огромный песочный бархан неторопливо перетекал с места на место или едва уловимое дуновение ветра беспокоило недавно опавшую листву. Тринадцатый положил ладонь на стену. Огромный бункер мелко дрожал.

2

– Господа, полагаю, мы можем начинать. – Управляющий директор открыл заседание Совета директоров. Решение об эвакуации семей сотрудников бункера и последующая операция спасения подняли авторитет директоров на недосягаемую высоту. По всеобщему молчаливому согласию три директора вот уже пятнадцать дней коллегиально управляли бункером, сохранив вертикали подчинённости без изменений.

Управляющий перевёл взгляд на директора по науке и предложил:

– Лев Ильич, прошу вас начать.

Академик постучал пальцами по сенсорам консоли управления компьютера, и на голографическом экране возникла проекция бункера в разрезе.

– Пятнадцать часов назад мы закончили полную проверку бункера, включая все системы согласно проекту. Результаты таковы. – Учёный включил лазерную указку и повел доклад снизу вверх. Лучик уперся в самый нижний уровень.

– Уровень один: реактор. Реактор в норме, повреждения отсутствуют, деформации в пределах расчётных допусков. Все системы исправны. – Указка переместилась вверх по проекции на триста метров.

– Уровень два: система жизнеобеспечения. Повреждения отсутствуют. Оранжереи, биофермы, водный цикл, склады – все в норме, деформации в допустимых пределах. Все системы исправны. Однако для успешной автономной работы в условиях замкнутого цикла имеющегося обслуживающего персонала

недостаточно. – Лучик поднялся ещё немного.

– Уровень три: медицинский. В ведомстве Ивана Николаевича, как в сказочном Багдаде, всё спокойно. – Академик мрачно улыбнулся, его пристрастие к чёрному юмору было общеизвестно. Он продолжил, подняв указку выше, на самый маленький уровень бункера.

– Уровень четыре: личный уровень Шрецкого. Предлагаю переименовать его в Уровень управления. Тут тоже всё в норме, аппаратура и все системы исправны. – Лучик снова чуть подпрыгнул.

– Уровень пять: жилой и уровень шесть: жилой «Улей». Все системы исправны. – Академик очертил указкой самый верхний уровень и продолжил:

– Уровень семь: научный. У нас тоже всё в норме. Теперь о грустном. – Директор по науке посветил указкой шахты грузового и пассажирского лифтов.

– Согласно проведённым расчётам, Медвежья получила прямое попадание термоядерного заряда огромной мощности. Точно сказать сложно, порядка двухсот или более мегатонн в тротиловом эквиваленте. Что стало с сопкой, можно только догадываться, однако точно известно, что обе шахты лифтов завалены не менее чем на первые сто метров. Системы подгорных шлюзов больше не существует. Все коммуникации связи уничтожены. Мы не можем предпринять попытку связаться с другими выжившими, никакой сигнал не пробьется через трёхкилометровую толщу. Получать какие-либо данные о состоянии дел на поверхности невозможно. Мы пытаемся использовать сейсмодатчики, но серьёзных результатов пока нет. Судя по всему, один из двух запасных пассажирских входов в бункер разрушен в результате сильнейших колебаний поверхности. Второй запасной пассажирский вход и запасной грузовой вход, по расчётам, исправны, но есть вероятность того, что на поверхности они завалены. Согласно компьютерной модели ситуации, на поверхности сейчас круглосуточная ночь, вызванная сильнейшим загрязнением атмосферы. Ориентировочная температура минус пятнадцать градусов по Цельсию, и она продолжает понижаться. К концу месяца морозы подойдут к отметке в минус тридцать градусов. Температура будет продолжать падать с приходом зимы. В другой ситуации я бы предложил организовать выход научной группы на поверхность с целью установки приборов изучения внешней среды, а также ретрансляторов связи, но фактически выход из бункера находится в эпицентре ядерного взрыва, там сейчас сильнейшая радиация. Вышедшие на

поверхность будут обречены на гибель. В настоящий момент мы планируем провести работу по разработке возможных способов защиты людей от внешней среды, но говорить об этом пока преждевременно.

Академик выключил экран и закончил:

- На этом у меня всё, господа.

Несколько секунд собравшиеся молчали, обдумывая услышанное.

- Иван Николаевич, огласите сводку по медицинскому отделу, - продолжил совет управляющий.

Маленький сухой профессор, несмотря на седую голову и солидный возраст, не уступал в энергичности своим студентам. Бодро пошелестев распечатками, светило медицины сверился с какими-то цифрами и сказал:

- В результате спасательной операции в бункер было доставлено пятьсот двадцать семь человек. Четыреста два человека в составе первой группы, эвакуированной после первого взрыва, и сто двадцать пять человек в составе второй группы, эвакуированной непосредственно перед массивными ударами, в том числе тридцать два спасателя. Все они прошли тщательное обследование. По поводу первой группы беспокоиться не о чем. Последствия полученной ими небольшой дозы облучения мы устранили, с этим труда не возникло. У тридцати процентов наблюдаемых пациентов диагностированы травмы разной степени тяжести, в основном переломы и ушибы. Была проведена терапия согласно показаниям, последний пациент этой группы выписан три дня назад.

Профессор отложил одну кипу распечаток, взял в руки другую, поменьше, и нахмурился:

- Со второй группой дела обстоят сложнее. Тяжёлых физических травм не наблюдалось, в этой области лечение прошло успешно. У многих пациентов наблюдаются психологические травмы, в настоящий момент эти люди проходят лечение, мы прогнозируем положительные результаты уже в скором времени. Основная проблема в последствиях жесткого излучения, люди побывали в зоне высокой радиоактивности. Мы предприняли интенсивную терапию, использовали

все доступные средства. На данный момент из состава второй группы выписано четверо пациентов. Однако уже сейчас можно сказать, что нам удастся справиться с этой проблемой, но это займет некоторое время. Согласно проведённому нами анализу, большинство пациентов второй группы покинут медицинский уровень через три-четыре недели. У меня всё.

Директор по медицине положил распечатки на стол и сложил руки на груди, давая понять, что доклад окончен. Управляющий взял слово:

- Что касается общего положения дел, то ситуация следующая. Все новые жильцы были распределены по свободным подуровням, уже подготовлены места жительства для второй группы эвакуированных. Жилые площади бункера заняты на семьдесят один процент, так что проблем с размещением не будет. Психологическая атмосфера пока относительно спокойная. В первые дни в отдельных подуровнях имели место вспышки паники, но их удалось погасить оперативно и без физического воздействия. В целом ситуация стабильная.

Управляющий директор сделал паузу.

- Однако, господа директора, хочу обратить ваше внимание на следующее обстоятельство: Количество сотрудников службы охраны недостаточно для обеспечения надёжного уровня безопасности. Никто никогда не верил в реальность ядерного кошмара, поэтому штаты охраны создавались по минимуму. В сложившейся ситуации мы не можем рисковать, сохранность и неприкосновенность складов, оборудования и аппаратуры, безопасность реактора - всё это выходит на один из первых планов. Сейчас мы имеем двести девяносто пять сотрудников охраны на семь подуровней и почти двадцать пять тысяч человек. Причём тридцать два из них проходят лечение в ведомстве Ивана Николаевича. Помимо этого, есть ещё одно очень важное обстоятельство.

Управляющий директор обвел взглядом коллег и подытожил:

- Господа, необходимо принять решение. Перед нами две безотлагательные проблемы. Первая: увеличение состава службы охраны. Вторая: почти двадцать тысяч бездельников, не занятых никаким общественно полезным трудом. Среди персонала растёт недовольство сложившимся неравенством. Мы должны разработать разумное решение этих проблем как можно скорее.

– Хорошо. Теперь ещё один тест. – Лечащий врач указал на опутанное различными проводами и проводочками кресло и склонился над медкартой, делая пометки.

Тринадцатый уселся поудобнее, и медсестра принялась проворно укреплять целый сонм датчиков, опутывая бойца с головы до ног. Вскоре он стал напоминать эдакую футуристическую мумию. Вот уже три недели Тринадцатый находился в карантинном покое медицинского уровня вместе с остальными спасателями и спасёнными. Делать сутки напролёт было ровным счётом нечего, и если бы не небольшой спортзал, разрешение на регулярное посещение которого Тринадцатый буквально выгрыз у главврача, он уже умер бы от скуки.

Медсестра закончила обряд мумифицирования и коснулась консоли. Кресло тихо зажужжало, и по дисплеям побежали многочисленные строчки и диаграммы. Через десять минут мелодично пропел короткий сигнал, и принтер нехотя исторг из себя распечатку. Врач пробежал глазами данные, что-то записал и произнес:

– Ну вот и всё на сегодня.

Медсестра занялась распаковкой паутины проводов.

– Результаты обнадеживающие: регенерация идет успешно, скорость восстановления клеток несколько ниже ожидаемой, но во вполне допустимых пределах, вывод радионуклеидов и продуктов распада согласно графику. Остальные позиции тоже в норме. Одним словом, лечение проходит успешно. Будем продолжать терапию, и через три недели вы будете полностью здоровы. – Врач улыбнулся: – Можете идти, я вас больше не задерживаю.

Тринадцатый вернулся в палату. Там было на удивление шумно и многолюдно, помимо выздоравливающих тут собрались практически все сотрудники бункера, чьими родственниками оные являлись. Люди что-то оживлённо обсуждали между собой, с разных сторон доносились обрывки споров, оппоненты энергично дискутировали, время от времени указывая друг другу на те или иные строки, выведенные на мониторах системы оповещения. Тринадцатый подошёл к своей кровати. Рядом стояла группа охранников бункера, среди которых он узнал старшего своей смены. Сорок восьмой и три водителя вездеходов пострадали менее остальных и были выписаны ещё недели полторы назад.

– Тринадцатый! Здоров, братишка. Слышал новости? – Старший протянул распечатку. – Полчаса назад на все мониторы вывели Постановление Совета директоров. Весь бункер только об этом и говорит.

– Нам повысили зарплату или понизили? – хмыкнул Тринадцатый.

– Вообще отменили! – хохотнул старший. – Ладно, мужики, я к семье, врачи говорят, что ещё две-три недели, и всех выпишут. Старик профессор-то, оказывается, светило с мировым именем в области всяких лучевых болезней или как оно у них там зовется.

Сорок восьмой зашагал к женскому отделению. В тот вечер спаслись его жена и обе дочери, он заходил проведать семью после каждой смены и всегда приносил новости.

– Надо же... странно, что они не поставили руководить какого-нибудь доктора косметологических наук, оказывается, кто-то наверху был не лишен здравого смысла. Или в новосибирском Академгородке в тот момент все косметологи были заняты, – сострил кто-то. Разговаривающие люди негромко засмеялись, и обсуждение возобновилось.

Тринадцатый лёг на кровать и принялся читать распечатку Постановления. М-да, серьёзно. Бункер в полной изоляции, на поверхности сущий ад, выбираться туда равносильно самоубийству, сколько это продлится, никто понятия не имеет, но, судя по всему, очень долго. Связи нет, выходы частично завалены, частично повреждены, фронт работ огромен, специалистов и рабочих рук катастрофически не хватает. В связи со всем этим на базе убежища создана Корпорация. Все совершеннолетние обитатели бункера могут пройти собеседование и поступить на работу в Корпорацию согласно результатам профессиональных тестов. Деньги отменяются на неопределённое время и заменяются системой кредитов и норм. Работники Корпорации получают за работу кредиты, дающие возможность приобретать дополнительные нормы. Стандартные взрослые и детские нормы обитателей бункера, не являющихся сотрудниками Корпорации, почти вдвое меньше, чем у сотрудников. Вот так даже, все очень просто. Да уж, господа толстосумы из дорогостоящих подуровней вряд ли когда-либо могли себе представить такой поворот событий. Впрочем, о прежней жизни теперь остались лишь воспоминания, и всем придется заново научиться жить в другом мире.

Тринадцатый пробежал глазами остальной текст постановления: расчёты норм и ставок, расшифровка системы кредитов, местонахождения основных институтов Корпорации, прочие детали, список первоочередных вакансий... Совет директоров подошёл к делу основательно, ничего не скажешь. Что ж, это хорошо. Более всего Тринадцатый не хотел увидеть панику и бездействие, но Совет демонстрировал компетентность и полную уверенность в правильности предпринимаемых шагов, что вселяло надежду и спокойствие в потрясённых страшной трагедией людей. Логично. Опытный офицер отлично знал простое правило, безотказно действующее в критических ситуациях: хочешь отвлечь личный состав от деструктивных мыслей – займи людей работой.

В бездействии дни текли медленно, словно тягучий густой кисель. От сна уже тошнило, лечебные процедуры занимали только несколько часов бесконечных суток, врачи категорически запретили задерживаться в спортзале более трёх часов. Тринадцатого спасала только огромная электронная библиотека бункера. К началу третьей недели от дня создания Корпорации практически все пациенты были выписаны, в карантинном покое оставалось лишь несколько человек. Старые боевые раны давали о себе знать, и выздоровление шло медленнее, чем у других, и врач собирался продержат его на процедурах ещё неделю. Палата опустела, и время вовсе остановилось. За пределами карантина, наоборот, бурлила жизнь. Иногда забегал навестить Сорок Восьмой, сообщая, что он буквально на пару минут, и рассказывал новости. За две недели в Корпорацию вступили почти все совершеннолетние обитатели бункера. Было ясно, что рано или поздно, но её сотрудниками станут все. Служба охраны разрослась в десять раз, все охранники, работавшие с первых дней, теперь занимают командные и преподавательские должности, и ему, Тринадцатому, тоже приготовлена соответствующая должность. Во всех отделах бункера созданы учебные группы, полным ходом идет подготовка и обучение вновь принятых сотрудников, уже функционирует общеобразовательная школа для детей.

– Физику там, кстати, преподает твоя старая знакомая, с которой ты людей из оврага тогда в лесу вытаскивал, она тебе привет передавала, просила тебя зайти, как выздоровеешь, проведает деток. – Старший улыбнулся. – Мои пигалицы тоже у нее сейчас учатся, ох, и намучается она с ними! – Сорок Восьмой посмотрел на часы и заторопился:

– Ну, пора мне. Ты давай, выздоравливай, врач к концу недели тебя отпустить собирался. Крайний ты у него остался. – Старший пожал руку и почти бегом выскочил из палаты.

По планетарному времени было уже далеко за полночь, но в бункере не существует смены дня и ночи, и биоритмы людей постепенно стали перестраивать под графики своих рабочих смен. Одним из основных принципов постановки рабочего процесса, по распоряжению Совета, было круглосуточное функционирование всех элементов Корпорации, что позволяло одновременно обеспечить занятостью большое количество людей и не оставлять важные участки бункера без контроля ни на минуту. К тому же все квалифицированные специалисты помимо основной работы были приписаны к учебным группам, перед которыми стояла непростая задача по профессиональной подготовке новых сотрудников Корпорации, и деловая активность в бункере не затихала ни днём, ни ночью.

Молодой сотрудник сейсмологической группы в третий раз ввел в компьютер данные сейсмодатчика для пересчёта. Результаты были прежними. Трижды ошибиться он не мог никак, всё было проверено и перепроверено. А раз так, тогда... Сейсмолог оставил задачу прежней, приказав компьютеру сделать анализ по данным всех имеющихся датчиков. На мониторе возникла диаграмма. Сейсмолог с минуту изучал сложившуюся картину, после чего решительно направился в кабинет руководителя группы.

Спустя тридцать минут вызов директора по науке разбудил управляющего.

– Артем Валерьевич, необходимо срочно собрать Совет.

– То есть вы хотите сказать, что нас пытаются спасти? – Управляющий директор смотрел на диаграмму сейсмологов.

– Нет, мы не можем делать подобные заявления. – Академик указал на синусоиду диаграммы и стал терпеливо объяснять: – Всё, что у нас есть, это данные с сейсмодатчиков. А они показывают, что на поверхности земли над нами явно ведутся взрывные работы. Сейсмические характеристики вибраций практически полностью идентичны, что свидетельствует о применении зарядов

одинаковой мощности. Кроме того, эта активность наблюдается в течение последних шести часов, до этого момента никаких серьёзных колебаний не фиксировалось уже несколько недель. Эпицентр колебаний каждый раз смещается на несколько десятков метров. И последнее обстоятельство: область источников колебаний находится в районе запасного выхода из бункера. Если точнее, то это рядом с выходом шахты запасного пассажирского лифта номер один, который поврежден и не функционирует. Поэтому первые колебания мы приняли за усадку грунта, попавшего в ствол лифтовой шахты.

– Похоже, что кто-то ищет запасной вход в бункер. Связи с нами нет, основной вход уничтожен, а сами мы за месяц не подали признаков жизни. Наверное, спасатели пытаются проверить, выжил ли тут хоть кто-нибудь. – Управляющий директор вывел на экран карту местности. – Расположение запасных выходов являлось сугубо конфиденциальной информацией, но данные эти имелись и в аппарате губернатора, и у военных. В двухстах километрах от нас находится защищённый командный пункт командующего военным округом.

Управляющий взволновано ходил перед изображением карты. Он ослабил галстук и расстегнул воротничок сорочки, известие о скорой помощи извне вселяло надежду. Наверняка слухи об этом известии уже разнеслись по всему бункеру.

– Вероятно, обстановка на поверхности нормализовалась, и была организована операция спасения. И теперь спасатели пытаются добраться до запасных выходов. Необходимо активировать запасной пассажирский выход номер два и выйти им навстречу. Спасатели подвергаются большой опасности, пытаюсь оказать нам помощь, ведь Медвежья была в эпицентре ядерного взрыва, там сейчас сущий ад, люди рискуют ради нашего спасения и не знают, что второй вход разрушен. Мы должны организовать встречную экспедицию!

Директор по медицине явно не разделял оптимизма управляющего. Седой профессор выбрался из огромного кресла и подошёл к компьютеру:

– С точки зрения сложившейся ситуации вопрос, кому больше нужна помощь, очень спорный. – Главный медик ввел команду, и на изображение карты наложилась схема ядерных ударов. – Обратите внимание, господа. Новосибирск подвергся массивной атаке, семь ударов по левобережной стороне города, девять по правобережной. Сверхмощные удары, любого из которых достаточно, чтобы полностью разрушить населённый пункт такого размера. Метрополитен в

городе относительно неглубок, убежищ, подобных бункеру, город не имеет. Военным досталось практически вдвое больше, если координаты верны, то только прямых попаданий они получили не менее двух. Уровня их защиты мы не знаем, но и так ясно, что ничего современнее «Подземстрога» в стране нет. Компьютерная модель событий показывает, что все крупные и средние региональные, краевые и областные центры подверглись атакам, особенно сильна была третья волна. Можно с высокой долей вероятности предположить, что потери и разрушения огромны, и организовать серьёзную спасательную операцию, позволяющую извлечь нас с глубины в три тысячи метров, никто сейчас возможности не имеет. Мы же перенесли единственное прямое попадание без последствий.

– И что же, Иван Николаевич, вы предлагаете? Не подавать признаков жизни до окончания веков? – Видно было, что управляющий опешил от услышанного настолько, что забыл о приличиях и позволил себе перебить старого профессора.

– Я лишь хочу сказать, – главный медик поморщился, – что в радиусе десяти километров от бункера произошло шесть термоядерных взрывов, в том числе четыре – сверхвысокой мощности не менее двухсот мегатонн каждый, один из которых пришёлся точно по сопке. Мы сейчас в полной изоляции, наша внутренняя среда стерильна. Внешняя же среда над нами предельно агрессивна. Даже краткосрочное нахождение на поверхности чревато гибелью. Мы не можем допустить длительного открытия входов, это неизбежно приведет к заражению бункера, поэтому спешить принять здесь спасателей преждевременно. Я предлагаю организовать выход на поверхность небольшой группе встречающих, наши средства защиты и антирадиационные препараты позволят людям поднять сопротивляемость радиации на срок около восьми часов. Мы поднимем группу, и через шесть часов заберём её назад. За это время она установит контакт со спасателями, а заодно соберет данные для анализа состояния внешней среды. Пока у нас нет никакой информации об уровне опасности на поверхности, разгерметизация бункера может стать фатальной. С последствиями же нескольких кратковременных выходов на поверхность мы справимся.

Медик закончил и снова уселся в кресло. Маленький старичок, он тут же утонул в его бескрайних просторах.

– Разумно. Заодно группа установит антенны связи и некоторые приборы, – поддержал предложение директор по науке. – Мы сможем восстановить связь с

внешним миром.

– Что ж, очень хорошо. Я полностью согласен с вами, господа, – подытожил управляющий. – Давайте обсудим состав и сроки экспедиции.

Тринадцатый нанес быструю серию ударов в разные уровни и мгновенно сместился, зайдя мешку «за спину». Акцентированный удар завершил комбинацию. Боксерский мешок был маленьким, лёгким и мягким и не лучшим образом подходил для отработки столь мощных приемов. Но в небольшом спортивном зале карантинного покоя он был единственным представителем боевых тренажеров, и Тринадцатый свыкся с ним, словно со старым другом, за эти долгие томительные недели лечения. Таймер спортзала недовольно звякнул, сообщая об истечении максимально возможных трёх часов тренировки, и уставился на бойца нолями дисплея, словно глазами, укоризненно требующими от надоедливого посетителя очистить помещение. Тринадцатый с досадой вздохнул и погладил мешок рукой по избитому боку.

– До завтра, дружище. Не скучай тут.

Возвращаться в пустую палату не хотелось, но выбора не было. Повесив полотенце на плечо, боец прошёл к душевым.

В палате его уже ждал Сорок Восьмой. Он был возбужден больше обычного и возвестил главную новость, едва Тринадцатый шагнул за порог:

– К нам с поверхности идут спасатели! Скоро наше затворничество закончится, весь бункер стоит на ушах. Совет отправляет экспедицию им навстречу, установить контакт и наладить связь. В группе десять человек, пятеро наших и четверо из научного потащат на поверхность антенну коммуникатора. Старшим экспедиции идет замначальника службы охраны, так что через десять часов будем знать новости с поверхности из первых рук. – Он довольно улыбнулся. Тринадцатый развел руками:

– Будете перебираться наверх, меня не забудьте, а то так и проваляюсь тут до старости. Я скоро начну сам с собою беседы вести. Сколько меня ещё будут мурыжить наши доблестные эскулапы, о Всезнающий?

– Вроде три дня осталось, так что держи крышу двумя руками, чтоб не съехала. – Сорок Восьмой заржал и хлопнул Тринадцатого по плечу. – Пора мне. – После чего, как всегда, буквально вылетел в дверь.

Боец проводил взглядом товарища и лег на кровать. Потолок над головой за эти недели был изучен вплоть до квадратного миллиметра, впрочем, как и стены, и пол, и нехитрая обстановка палаты. Даже библиотека уже не спасала, организм стал упорно сопротивляться сначала сидячему, а потом и лежащему положению при многочасовом чтении. Хотя читать электронные книги лежа было занятием не самым удобным. Тринадцатый скучал по настоящим книгам. С обложками, страницами и стежками переплётов. Было в них что-то тёплое и живое, чего не найдешь ни в одном электронном шрифте в мире, словно крохотная частичка души её создателей, вложенная в труд, обрела самостоятельность и живет теперь своей жизнью. Неважно, что ты держишь в руках, небольшой томик или огромный фолиант, книга подчас подобна молчаливому собеседнику, способному рассказать многое, будто маленький верный друг, в компании с которым ты уже не чувствуешь себя одиноким. Никакой файл не способен заменить такое. Но настоящих книг в медицинском уровне не было. Во всём бункере, судя по справочным данным, настоящая, неэлектронная библиотека имелась только в Уровне управления, и Тринадцатый твёрдо решил добраться до нее при первой же возможности. А пока же оставалось только терпеливо ждать выписки. После месяца ожидания три дня выглядели сущей безделицей. Вот только как же бесконечно долго тянутся минуты этой самой безделицы...

Тринадцатый подошёл к мониторам системы оповещения и вывел на экран последние новости. Сообщалось о спасателях на поверхности и экспедиции, готовящейся выйти им навстречу. В данный момент инженеры проводили проверку шахты лифта, входных шлюзов, систем защиты от внешней среды, ученые готовили экипировку и снаряжение, медики подбирали свои чудо-препараты и готовились как можно быстрее ликвидировать астерильность, неизбежно возникшую после открытия шлюзов. Всё остальное население бункера деятельно участвовало в обсуждении предстоящей экспедиции. На все семь уровней только он, Тринадцатый, не занимался ничем, кроме напряжённой борьбы со скукой. Старт экспедиции состоится через четыре часа, после чего шлюзы закроют. У группы будет шесть часов на выполнение поставленных задач. Потом шлюзы откроют, заберут назад людей, закроют, и начнется стерилизация внутренней среды. Понятно. Стало быть, реальные новости будут часов через одиннадцать – двенадцать. Черт, как же всё-таки долго ещё ждать. И неугомонный Сорок Восьмой в это время будет ещё на смене, после чего первым делом отправится к семье, так что сюда он заглянет и вовсе через сутки.

Тринадцатый улыбнулся.

Добродушный и бесшабашный Сорок Восьмой, которого вне службы все знакомые называли просто Витёк, никак не вязался с образом степенного отца семейства. Кипучая энергия, бурлившая внутри папаши двух рыженьких дочек, вечно требовала выхода. Оставалось загадкой, как старший смены до сих пор ухитрялся не разорваться на множество очень мелких кусочков на работе, где основную часть времени приходилось сохранять неподвижность, серьёзность и крайнее немногословие. Зато после смены он с лихвой наверстывал своё, порой Тринадцатому даже казалось, что этот человек может пробежать марафонскую дистанцию, не переставая о чём-то рассказывать, и при этом даже не собьёт дыхания. По крайней мере, автобиографию старшего смены Тринадцатый прослушал уже раз десять, а биографии жены и детей – раз двадцать. Когда-то Сорок Восьмой отслужил лет двадцать в милиции, после чего по протекции родственника и попал в охрану империи Шрецкого. Милицейское прошлое и охранное настоящее совершенно не укладывались с добротой и открытостью Витька. Наверное, именно таким был сказочный Дядя Степа милиционер, разве что ростом повыше. Тринадцатый снова улыбнулся и, вздохнув, полез в каталоги электронной библиотеки.

Сорок Восьмой стоял рядом с оператором шлюза и смотрел, как экспедиция проходит последнее шлюзование перед лифтом. Инженерная группа, проведя проверку или прозвонку, или протряску, или чёрт-знает-до-чего-там-ещё додумались хитроумные яйцеголовые, определила, что шахта не понесла серьёзных повреждений, и уже дважды был сделан пробный прогон лифта. И вот теперь десяток фигур в серебряных скафандрах радиационной защиты, катя перед собой небольшую платформу с грузовыми мотосанями, навьюченными оборудованием, втягивался в лифтовую шахту. Этот вход был запасным, его серьёзная эксплуатация никогда всерьёз не планировалась, и серьёзной шлюзовой системы наверху не было, а был всего один шлюз с подпором давления, находящийся между лифтовыми воротами и воротами во внешний мир. Располагались эти самые ворота где-то в небольшом холме в лесу, вроде бы в километре от противоположной главному входу стороны сопки, поэтому шахта была наклонной, а не вертикальной, как на главном. Хорошо хоть тут, изнутри бункера, лифтовое помещение запирает грамотная Z-образная тройка шлюзов. Старший представил, что сейчас творится на поверхности, и поежился. Всё-таки те, кто идет сверху, геройские мужики. Быть в эпицентре жесткого излучения и, несмотря на это, упорно прорываться в бункер, чтобы спасти людей, – это

дорогостоящий. Будет возможность, надо с ними посидеть за бутылочкой, спасибо сказать. Да и опять же, водочка, она, родимая, и радиацию, говорят, из организма выводит.

Экспедиция вошла в лифт, и створы шлюза закрылись. Через мгновение на мониторе отобразился вид лифтовой кабины, передаваемый установленной под потолком камерой. Мотосани занимали почти весь центр лифта, и людям приходилось тесниться вдоль стен. Лицевые щитки скафандров имели с внутренней стороны автозатемнение типа «Хамелеон», с внешней – светоотражающее покрытие, в связи с чем отличить, кто есть кто, было совершенно невозможно, и группа напоминала Сорок Восьмому десяток серебряных близнецов – инопланетян из какой-нибудь сказки, которые он частенько, выдумывая на ходу, рассказывал дочкам. Иногда Витёк, сменившись с хлопотного дежурства, забывал, чего именно насочинял накануне, и в ответ на ультимативные требования продолжения истории срочно приходилось придумывать что-то новое. При мысли о двух маленьких несносных рыжих бестиях уголки губ Старшего тронула улыбка, теперь материала для сказок хватит на неделю вперёд.

В этот момент лифт достиг поверхности, и экспедиция начала выталкивать из лифта в шлюз платформу с санями, после чего лифтовые двери закрылись, и люди пропали из поля зрения камер. Сейчас ученые должны установить в шлюзе камеру и ретранслятор радиосвязи, если кабель-каналы не повреждены и шинопровод в рабочем состоянии, и только после этого начать шлюзование согласно плану экспедиции. План этот наизусть знал каждый обитатель бункера, и десятки тысяч глаз сейчас всматривались в мониторы. Совет директоров пошёл навстречу множественным просьбам освещать встречу спасателей в реальном времени. Через несколько минут экраны вздрогнули и вывели картинку из шлюза, в тот же момент на частоте экспедиции раздался знакомый голос руководителя экспедиции. Родственник сделал проверку связи, и директор по науке лично подтвердил качество приема. Сорок Восьмой облегчённо вздохнул, пока всё идет хорошо. Вскоре камера была установлена и во второй секции шлюза. Первая секция закончила создание подпора давлением, и ворота шлюза медленно распахнулись в темноту. Две серебристые фигурки с какими-то приборами в руках шагнули в темноту, и некоторое время ничего не происходило, потом руководитель экспедиции сообщил, что выход неплотно завален обломками деревьев и снегом, после чего группа приступила к расчистке.

Спустя сорок минут путь был свободен, и люди покинули поле зрения камеры. Радиосвязь резко ухудшилась, эфир был заполнен шумом и треском. Сквозь щелчки и шипение помех с трудом удалось разобрать доклад руководителя. Кажется, согласно плану, научная часть группы приступила к поиску подходящего места для установки мощного ретранслятора и каких-то ещё приборов, названия которых Сорок Восьмой разобрать не сумел, а руководитель с остальными двинулся в направлении предполагаемого местонахождения спасателей. И ещё вроде бы там, наверху, ночь, снег, холодно и ничего не видно. И жутко фонит радиация. Вскоре связь с экспедицией пропала, видимо, люди отошли достаточно далеко от выхода. Витёк посмотрел на часы. Минус пять часов, время до возвращения экспедиции. До окончания смены ещё семь, так что теперь оставалось только ждать, и старший смены направился проверять несение службы на постах.

Витёк заговорщицки подмигнул и тронул сенсор. Двери лифта послушно разъехались в стороны, и Тринадцатый вошёл в кабину.

– Только быстро! Смотри, не заблудись там, – осклабился Сорок Восьмой, – и ромашек дочкам не забудь.

Двери закрылись, и лифт понес Тринадцатого вверх. На улице стоял ослепительный полдень, и ему пришлось минут пять стоять на месте, ожидая, пока привыкшие к ровному искусственному свету бункера глаза адаптируются к яркому солнечному свету. Вокруг царствовало тёплое и ласковое бабье лето. Запасной выход бункера открывался из небольшого холма посреди маленькой полянки, со всех сторон окруженной исполинскими соснами, сквозь густые кроны которых до самой земли били длинные тонкие солнечные лучи. Их было великое множество повсюду, словно кто-то, побоявшись потерять Солнце, скрепил его с Землей невесомой паутиной, и теперь надёжно прикованное светило, натянув лучи, будто струны, стремительно мчалось куда-то сквозь бесконечное лазурное небо, неся за собой Землю.

Тринадцатый подставил ладонь под солнечный луч. Тот немедленно принялся ласково греть кожу, отчего захотелось лечь, растянуться на траве и смотреть, как без усталости несет Землю весело спешащее куда-то Солнце. Но сперва надо было найти ромашки, Витёк очень просил. Тринадцатый представил, как облепит рыжего папашу его не менее рыжая детвора, и, улыбнувшись лучу, пошёл на поиски. Найти местечко с цветами, собрать немного, а там, если останется

время, можно будет немного и поваляться. Идти по траве в госпитальных тапочках было неудобно, трава упиралась в открытые части ступни и норовила пощекотать. Тринадцатый уже очень давно не боялся щекотки, и это мелкое хулиганство со стороны травы его забавляло. Деревья расступились, и он вышел на большую залитую солнцем поляну. Лёгкий тёплый ветерок по-дружески ткнул в щеку, и ярко-зелёная трава тихо зашелестела, подсказывая что-то. Тринадцатый пригляделся и понял, что именно. В пяти метрах, слегка наклонив голову, пряталась ромашка. Ага, попалась. Он пошёл к цветку, радуясь, что поиски не затянулись, всё-таки Витёк выпустил его на свой страх и риск. Эскулапы пронюхают – будет ему такой втык от начальства, никакими цветочками не отделаешься. Однако через пять шагов оказалось, что ромашка ближе не стала. Странно. Тринадцатый увеличил темп и лёгким броском перебежал на четыре шага. Ромашка отбежала на такое же расстояние. М-да, так можно и очень сильно опоздать. Он стремительно метнулся к цветку. Ромашка не менее стремительно метнулась от него.

Погоня продолжалась минут пять, но разделяющее их расстояние не изменилось. Тринадцатый остановился. Ромашка тоненько насмешливо захихикала. Ах так! Он нахмурился. Нужны подручные средства. Боец пошарил по карманам больничной куртки. В одном был штурмовой пистолет, в другом пара ручных гранат. Из нагрудного кармана торчала рукоять боевого ножа. Странно, что он не заметил этого раньше. Ромашка испуганно поникла. Нет, всё это решительно не годится. Тринадцатый не собирался убивать цветок. Цветок надо было взять в плен, это же ежу понятно. Нужно что-то другое. Ромашка воспряла духом и снова захихикала. Нет, ну вот зараза, ещё и смеется. Внезапно откуда-то из детства пришла мысль. Рогатка! Точно, нужно сделать рогатку. Ромашка тоненько взвизгнула и пустилась наутек. Ничего, от рогатки далеко не убежишь. Мысль была стоящей, но резать больничные штаны на рогаточную резинку не хотелось. Ладно, и так поймаю. Тринадцатый побежал вслед испуганному цветку, стремительно набирая скорость. Ромашка добежала до опушки и скрылась за деревьями. И это не страшно, пойдём по следам. Далеко не уйдет, устанет. Цветы растения малоподвижные, к долгому бегу непривычные, выдохнется быстро. Впереди раздался знакомый тоненький писк, затем треск кустов, и на поляну выскочил Шрецкий. В руках он сжимал вырывающуюся ромашку. Увидев прямо перед собой Тринадцатого, олигарх резко свернул в сторону и побежал вприпрыжку вокруг поляны, с криками: «Уволю! Уволю!». Бегать за ним не хотелось, и Тринадцатый подумал, что рогатку всё же придется сделать. Вырывающаяся из рук Шрецкого ромашка одобрительно запищала.

– Сбоку заходи, слева! – раздался над ухом голос Витька. Тринадцатый обернулся. Витёк, держа в руках сачок для ловли бабочек угрожающих размеров, крался наперерез скачущему олигарху. Тот заметил Сорок Восьмого и кинулся было назад, но там уже ждал Тринадцатый. Шрецкий попытался добежать до леса, но среди деревьев быстро бежать он уже не мог. Видя, что поимки не избежать, олигарх отбросил цветок, подпрыгнул и ухватился за солнечный луч. Луч, тащивший за Солнцем Землю, не выдержал дополнительной тяжести и лопнул. По лесу прокатилось эхо жалобно звенящего звука. Все замерли. Но равновесие уже было нарушено. Тонкие струны лучей, не выдерживая нагрузки, начали рваться, и вскоре отовсюду лилась жалобная мелодия гибнущих лучей. Последний лучик лопнул, и солнце стало стремительно удаляться. Через мгновение оно исчезло совсем. Наступила ночь, стало холодать. Звёздное небо моментально затянули тучи, в леденеющем воздухе тихо падали снежинки. Тринадцатый огляделся. Видимость ноль. Надо уходить к бункеру, пока ещё можно. Но сначала нужно найти Витька, ведь не дойдет сам. Он пошёл сквозь тьму туда, где Витёк стоял в последний раз. Сбоку из темноты вынырнул силуэт Шрецкого. Олигарх сидел на пеньке, сложив руки на коленях, весь покрытый толстым слоем льда, словно замороженная во льдах лягушка. Тринадцатый, не останавливаясь, прошёл мимо. Шрецкий его не интересовал, нечего было луч рвать. Пускай теперь сидит, в воспитательных целях. Где-то здесь должен быть Витёк, вот его надо быстрее отвести в бункер, его там дочери уже заждались поди. Но Сорок Восьмого почему-то нигде не было. Тринадцатый точно знал, что стоит именно на том самом месте, где должен быть Витёк. Куда ж он подевался? Боец сделал ещё шаг, и его нога наткнулась на что-то ещё мягкое, но уже холодное. Даже несмотря на непроглядную тьму, он точно знал, что это было.

Тринадцатый мгновенно вскочил с кровати. Остатки сна стремительно покидали сознание, вместе с ними блекли и таяли краски кошмара, секунду назад казавшегося яркой полноцветной реальностью. Спустя миг всё встало на свои места. Он присел на кровать. Нет. Не всё. Тринадцатый прислушался к себе. Какое-то нехорошее предчувствие не оставляло его в покое. Боец задумался. Чутьё на опасности у него было редкостное. Друзья говорили иногда, что и дикий зверь так не чует беду. Может, потому и выжил он, один из всех, пройдя столько лет огня, боли и крови. Вот только работало это чутьё исключительно лишь там, где жизни угрожала опасность. И не было и следа его в мирной жизни, не предупреждало оно ни о подлости псевдодрузей, ни о предательстве любимой, ни о злобе завистников. В день мировой катастрофы на душе было беспокойно с самого утра. А тут... что может произойти здесь? И всё же что-то

было не так. Что-то ускользало, нечто такое, что ещё совсем недавно было перед глазами, и сейчас оно тоже было где-то рядом, но уже невидимое, неслышное, словно растворившееся в воздухе.

Тринадцатый посмотрел на часы. Выходит, он заснул незаметно для себя и проспал возвращение экспедиции. Неудивительно, в пустой палате, словно в вакууме, минуты, часы, дни – все они похожи друг на друга, как близнецы, и тянутся эти близнецы подобно патоке, густой и липкой, как будто не хотят они уходить в Лету и цепляются за тебя, за стены, за воздух, за всё, что попадается им на пути в отчаянной попытке задержаться хотя бы на мгновение. Вполне вероятно, что на всём медицинском уровне он вот уже неделю был единственным пациентом. А если так засыпать во время прибытия спасателей, то можно остаться и единственным обитателем бункера. Тринадцатый мрачно улыбнулся и взглянул на монитор системы оповещения. Никаких сообщений о результатах экспедиции не было. Ладно, скоро к врачу на осмотр, там и узнаем. А потом и Витёк примчится, как всегда, выпалит всё на одном дыхании и умчится обратно. Вот ведь неумный, к нему надо генератор прицепить, пусть электричество вырабатывает. Причём в противостоянии Витёк – Реактор у последнего шансов было немного. Тринадцатый взял полотенце и пошёл в душевые, гоня прочь чёрную тень, притаившуюся где-то в глубине подсознания.

Сорок Восьмой закончил очередной плановый обход постов своей смены и сделал необходимые пометки в файле несения дежурств, после чего вопросительно посмотрел на оператора шлюза. Тот так же молча покачал головой. Ничего. Вот уже час, как экспедиция должна была вернуться, но никаких сигналов от нее до сих пор не поступило. Прямую трансляцию на бункер отключили по распоряжению Совета, и Сорок Восьмой получил указание при первых же сигналах экспедиции оповестить специально организованную встречающую группу, в задачи которой входила дегазация, дезактивация, медпомощь и прочие необходимые действия. Совет собрался ещё два часа назад и регулярно запрашивал экспедицию по радио, но эфир молчал. Через час закончится действие препаратов, повышающих сопротивляемость организма к радиации, и люди получат такую дозу излучения, что даже думать не хотелось о последствиях.

– Есть движение на мониторе! – Доклад оператора шлюза чуть не заставил Старшего подпрыгнуть от неожиданности. Он тут же доложил Совету и привел в готовность встречающую группу, практически не сводя глаз с экрана. Камера

внешней секции верхнего шлюза показывала слабые блики света со стороны выхода, где ещё две минуты назад была темнота. Световые пятна дрожали и прыгали по полу, однако не приближались.

– Вход снегом занесло, расчищают, – догадался Сорок Восьмой. Совет снова запросил экспедицию в эфире. В ответ раздался треск и шипение помех, сквозь которые едва различимый голос что-то хрипло говорил, но разобрать можно было только короткие обрывки фраз, среди которых были «требуется помощь» и «пострадавшие». Картинка на мониторе оживилась, на пороге шлюза появились серебряные фигуры, парами тащившие на себе неподвижных людей в закопчённой зимней одежде камуфляжной расцветки.

– Начать внешнее шлюзование! Встречающей группе приготовить носилки! – Динамики транслировали команды управляющего директора. Сорок Восьмой кивнул оператору, и тот приступил к работе. На мониторе было видно, как за спинами плотно стоящих в шлюзе людей закрывается внешний створ. Запасной вход был невелик, и десяток человек в скафандрах, удерживая пятерых пострадавших, плотно заполнили собой всё пространство маленького шлюза. Верхний шлюз не сохранил исправного освещения, и в тускло-зелёном изображении инфракрасной подсветки единственной камеры было невозможно хорошо разглядеть тесно навалившихся друг на друга людей. Межсекционная перегородка поднялась и открыла доступ во внутреннюю секцию шлюза. Установленная там камера транслировала, как люди в некогда сверкающих, а сейчас вымазанных грязью серебристых скафандрах неуклюже затаскивали в тесное помещение пострадавших, снаряжение которых ещё больше мешало транспортировке. Через пару минут шлюзование завершилось, и двери в кабину лифта открылись, впуская экспедицию. Наконец лифт, размерами ещё меньший, чем шлюз, закрылся и пошёл вниз. Лифтовая кабина имела две камеры и была хорошо освещена, но люди в скафандрах и снаряжении набились в нее так плотно, что разобрать что-либо было трудно. Директор по радио что-то спрашивал у руководителя экспедиции, но, судя по всему, рация у того была повреждена, в ответ слышался только треск и щелчки. Встречающая группа уже ожидала экспедицию у ворот лифта. Сорок Восьмой смотрел на изображение кабины лифта, пытаясь угадать в плотной толпе родственника. Не сладко пришлось мужикам, однако. С головы до ног в грязи, ободранные, скафандры местами прорваны, у кого-то даже лицевой щиток шлема был покрыт паутиной трещин. Видимо, на поверхности сущий ад.

Но... Что-то в увиденном не нравилось Старшему, что-то было не так. Что же? Внезапно он понял. Оружие. Когда экспедиция уходила, оружие было только у охраны, ученые шли лишь со своими приборами, теперь же оружие было у всех, даже у пострадавших, не подававших признаки жизни. И ещё он понял, что именно напоминали ему разводы бурой грязи на блестящих скафандрах радиационной защиты. Сорок Восьмой рванул к шлюзу, на ходу бросив удивлённому оператору:

– Открывай!!! Все двери! Быстро! И сразу же закрывай за мной! Первый шлюз оставь открытым! – и, рванув гарнитуру радиации, закричал: – Встречающей группе немедленно покинуть лифтовое помещение! Всем перейти в шлюз немедленно!

Пульт управления располагался у выхода из третьего шлюза, Старшему надо было миновать в общей сложности шесть шлюзовых секций, он нырнул под поднимающиеся плиты перегородок, как только щель увеличивалась на ширину тела.

– Что происходит? – недоумённо запрашивал старший встречающей группы, к вопросам которого тут же присоединился управляющий:

– Сорок Восьмой, что вы там делаете?

Витёк уже вбегал в лифтовую, когда сигнал оповестил о прибытии лифта.

– Это ловушка! Нападение! Все в шлюз, быстрее!!! – Он стал заталкивать ничего не понимающих людей в шлюз, кто-то побежал сам, некоторые возмущались и сопротивлялись. Из открывшихся дверей лифта хлынули люди, на бегу вскидывая оружие.

Сорок Восьмой с размаху пробил рукой защитный пластик кнопки аварийного закрытия шлюза, резко зазвучала сирена, и плита переборки пошла вниз. Сзади слитно ударили автоматы, крики людей утонули в грохоте выстрелов, заполнившим собой небольшое помещение. Старший обернулся. Фигуры в вымазанных кровью серебристых скафандрах со следами пулевых отверстий в упор расстреливали мечущихся в панике людей. Несколько человек из встречающей группы попытались нырнуть под опускающуюся плиту шлюзовых ворот, и двое «пострадавших» в обожжённом камуфляже, вооружённые автоматами, сообразив, что происходит, бросились за ними. Витёк изо всех сил

оттолкнулся ногами от пола и обрушился на автоматчиков. Те не удержались на ногах, и все трое покатались по полу в сторону от шлюза. Старший вскочил на ноги, но тут что-то сильно ударило его в спину. Он покачнулся, лоя равновесие, но второй удар под лопатку бросил его на землю. Рот почему-то сразу наполнился слюной, тёплой и соленой. Сорок Восьмой проводил взглядом слипающуюся с полом плиту переборки и попытался встать, но сделать этого отчего-то не получалось. Тогда он развернулся на спину. Видно было плохо, всё вокруг оказалось подёрнуто красной пеленой. Витёк решил, что кто-то заменил основное освещение аварийным, и удивился, что не заметил этого раньше. Рядом с ним стояли серебряные близнецы-инопланетяне из сказки, которую он всю смену сочинял для дочек. Сорок Восьмому захотелось рассмотреть серебряных близнецов получше, но яркий всплеск огня в пламегасителе автомата больно резанул по глазам, и их пришлось закрыть. Ударов пуль, разрывающих грудь, он уже не чувствовал.

Тринадцатый сидел в диагностическом кресле, как обычно опутанный проводами подобно футуристической мумии, когда по всему бункеру взревели баззеры боевой тревоги. Врач испуганно вскочил из-за своего стола и замер в нерешительности.

– Что случилось? – откуда-то из-за спины дрожащим голосом спросила медсестра, – что это?

Судя по расширенным от испуга глазам доктора, тот и сам бы хотел узнать ответ на этот вопрос. Все сомнения разрешил грохот динамиков системы оповещения:

– Внимание! Боевая тревога! Всему персоналу срочно занять места согласно боевому расписанию! Полная герметизация уровней, перемещения запрещены до особого сигнала!

Сообщение повторилось дважды, и динамики затихли, тем временем на мониторах системы высветился текст объявленного предупреждения. Доктор попытался связаться с кем-то из начальства, но ничего вразумительного ему объяснить никто не смог. Тринадцатый пожал плечами. Очень интересно. Вот, значит, к чему это смутное ощущение опасности с самого утра. Однако сделать всё равно ничего нельзя, уровни загерметизированы, он у медиков, помещения охраны в «Улье», придется дожидаться либо сообщений от руководства, либо

разгерметизации, а пока, кроме ожидания, заняться нечем.

– Доктор, это надолго. Давайте закончим? – предложил он эскулапу. Перепуганный врач, неподвижно сидевший около коммуникатора в ожидании ответа очередного абонента, вздрогнул и поднял глаза.

– Да, да, разумеется. – Занявшись привычной работой, он почувствовал себя увереннее. Вскоре невозмутимое спокойствие Тринадцатого передалось окружающим, и люди успокоились. Медсестра даже предположила, что тревога учебная, в целях проверки систем герметизации, и доктор важно согласился. Тринадцатый промолчал, погружённый в свои мысли. Тревога боевая, это было ясно. Что-то действительно произошло, и сидеть в пустой палате дальше он не собирался. Как только сообщение между уровнями восстановят, надо будет, так сказать, прибыть к месту службы.

– На сегодня всё, вы можете идти. – Доктор улыбался резиновой улыбкой.

– Когда меня выписывают?

– Через два дня, думаю, вы будете полностью здоровы. Но организм ещё ослаблен, поэтому в течение недели вам противопоказаны тяжёлые физические нагрузки и...

– Доктор, а нельзя ли выписать меня сегодня? – Тринадцатый пристально смотрел эскулапу в глаза, – в связи с особыми обстоятельствами? Всё-таки учебная тревога – штука серьёзная...

Врач поспешно закивал:

– Да, конечно! То есть, мы такое не практикуем, но в связи с особыми обстоятельствами... – он замялся, – я могу выписать вас на амбулаторное лечение, после окончания учебной тревоги вам надо будет пройти ещё два сеанса процедур. – В голосе доктора снова появились нотки испуга.

– Вот и хорошо, я обязательно приду. – Тринадцатый улыбнулся медсестре и, пожав врачу руку, вышел из кабинета. Как скоро будет снят запрет на перемещения, он не знал и, не желая тратить время впустую, направился в

спортзал.

Когда, закончив тренировку и приняв душ, Тринадцатый вернулся в палату, его уже ждали. Молодой рослый парень лет двадцати в новенькой форме охранника стоял посреди помещения и беспомощно оглядывался.

– Вы – Тринадцатый? – оживился он, заметив входящего. Тринадцатый кивнул. – Вас срочно вызывает начальник охраны. Следуйте за мной, – важно сообщил мальчишка и добавил: – Специально для нас снята герметизация и активирован лифт.

Тринадцатый зашлепал больничными тапками вслед за провожатым. Форму уничтожили ещё в день катастрофы при дезактивации, и другого обмундирования, кроме больничной пижамы, у Тринадцатого не было.

В лифте он принялся рассматривать новоиспеченного бравого воина. Судя по возрасту и состоянию формы, мальчишка, бесспорно, был из числа вновь поступивших на работу в Корпорацию. Крепкий, холёный, чистенький, причёска, аккуратный маникюр. Парнишка, видимо, из состоятельной семьи, возможно даже, из VIP-подуровней. Новенькая форма сидела на нём ладно, сам супермен прямо-таки раздувался от гордости. Почему бы и нет, исходя из норм и кредитных ставок, опубликованных Советом, можно было сделать вывод, что охрана позиционировалась как одна из привилегированных специальностей.

Тринадцатый мысленно хмыкнул. Конечно, на семи уровнях бункера много чего нуждалось в неусыпном надзоре, и реактор, и системы жизнеобеспечения, и пульта управления шлюзами, хранилища баз данных, список маленьким не был. Но любой грамотный правитель всегда помнит, что охрана в любой момент может стать очень эффективным рычагом управления. Множество президентов и премьер-министров вышло из недр силовых структур, ещё большее количество государственных переворотов было осуществлено их руководителями. Не случайно даже в самых развитых демократиях личный состав сил охраны правопорядка зачастую был сопоставим, а кое-где даже превышал количество боевых штыков вооружённых сил. Полицейские дубинки разрубили на своём веку немало гордиевых узлов и узелков, не поддававшихся ораторам. Отчасти не потому ли численность службы охраны за первые же две недели существования Корпорации выросла с менее чем трёхсот сотрудников до более чем трёх тысяч? Никакую другую службу не поспешили укомплектовать так быстро.

Лифт достиг Улья, и новоявленный супергерой снова возглавил шествие. Напротив каждой дверей межуровневых лифтов стояло по два вооружённых охранника. Сразу же бросилось в глаза оружие несущих службу: не только короткие резиновые дубинки, наручники и служебные пистолеты, согласно обычному штатному расписанию, но и десятизарядные автоматические карабины, служебное гладкоствольное оружие. На коротких дистанциях, например в условиях бункера, картечный выстрел из такого карабина по незащищённой цели означал для последней неминуемую смерть. У входа в подуровень начальника охраны также стоял вооружённый парный пост. Очень интересно.

Начальника охраны за свою недолгую работу в бункере Тринадцатый видел всего один раз, при приеме на работу. Отставной генерал милиции считал своим долгом лично проводить финальное собеседование с каждым вновь принятым на работу охранником. И не все, по слухам, его проходили успешно. Шептались, что генерал видит человека насквозь почище рентгена. Тринадцатый тогда вошёл в кабинет и доложил по форме о прибытии. Сидящий за столом жилистый мужчина лет шестидесяти оторвался от изучения его личного дела и поднял седую голову. Немигающий взгляд серых глаз был действительно тяжёл. Генерал смотрел пронзительно, словно для него не существовало ни кожи, ни черепа, ни даже мозга, одна лишь душа стоящего перед ним человека. И сейчас в неё очень внимательно всматривались из-под седых бровей давно немолодые, но поразительно чистые глаза. Глаза человека, повидавшего в этой жизни многое. Начальник службы охраны был далеко не прост. Генерал пожал ему руку и, коротко кивнув на личное дело, сказал:

- Читал. А теперь и сам вижу, что не подведешь старика.

На этом тогда собеседование и закончилось. Все знали, что Старик не любил пространных бесед, предпочитая словам действия.

У входа в кабинет начальника службы охраны новоиспечённый герой остановился, и его бравый вид несколько увял. Было видно, что мальчишка не горит желанием лишней раз показываться на глаза Старику. Тринадцатый вошёл в кабинет. Генерал сидел за столом, напротив него расположилось десятка два человек в униформе охранников, со многими из них Тринадцатый уже был знаком. «Все бывшие военные», - машинально отметил он и представил, как забавно будет сейчас выглядеть его доклад по форме в больничной одежде. Однако докладывать не пришлось.

– Садись, майор, – ещё на вдохе прервал его генерал и жестом указал на свободное кресло. Его воспалённые глаза смотрели устало, лицо прорезали глубокие морщины, отчего он выглядел сейчас намного старше своих лет. Многочасовое напряжение сильно измотало Старика. – Не будем терять время, кто знает, сколько у нас его осталось.

Генерал ткнул узловатым пальцем в сенсор, и на мониторе замелькали кадры. Тринадцатый узнал видеозапись выхода экспедиции на поверхность. Генерал не торопясь комментировал:

– Вы видите, как экспедиция, высланная на встречу спасателям, поднимается вверх. В верхнем шлюзе они установили две камеры, по одной в каждой секции, и ретранслятор, для связи бункера с переносной РЛС, которую они же должны были развернуть на поверхности. Вон она, эта РЛС, на снегоходе упакована. Эти кадры знакомы всем, их транслировали на весь бункер. Экспедиция должна была вернуться через пять часов, но в назначенное время никто к шлюзу не пришёл, и трансляцию было решено прекратить. За это время экспедиция связь не поддерживала, на запросы не отвечала, РЛС не заработала.

Генерал сделал глоток воды. Тринадцатый заметил, что стакан в его руке почти незаметно дрожит. Значит, произошло что-то действительно очень плохое. Сначала боевая тревога, потом Старик обратился к нему по воинскому званию, чего на гражданке вообще никто никогда не делал, теперь эта дрожь в руках. А ведь генерала так просто не напугаешь, он калач тертый... Старик снова коснулся сенсора и продолжил:

– Спустя сорок семь минут после истечения срока экспедиция вышла на связь с сообщениями о пострадавших и о необходимости срочного оказания помощи. Как вы слышите, сигнал сильно засорен помехами и практически неразборчив. Освещения в обеих секциях шлюза нет, только инфракрасная подсветка камеры. В шлюз вошли участники экспедиции, неся на руках неизвестных людей, предположительно пострадавших. В общей сложности пятнадцать человек.

Тринадцатый взглянул на экран, где пять пар одетых в серебряные скафандры людей, несущих на руках неподвижные тела, входили в шлюз. Сразу всё стало ясно. Десять вооружённых людей несли на руках пятерых вооружённых пострадавших. Оружие и снаряжение у каждого. В реальных условиях, для облегчения ноши, оружие и снаряжение с раненых бы сняли и либо не взяли с

собой вообще, либо несли силами уцелевших. На экранах была наспех организованная диверсионная группа. Судя по бурным разводам и характерным отверстиям на скафандрах, экспедиция перестала существовать ещё пару часов назад. В этот момент на экране выскочившие из лифта диверсанты расстреливали встречающую группу.

– Тревогу поднял старший смены охраны шлюза, Виктор Костецкий, радиопозывной Сорок Восемь. Если бы не его оперативные действия, потери были бы гораздо серьёзнее. Костецкий успел спасти одиннадцать человек и сорвал попытку врага прорваться в шлюз. Сам он погиб.

Тринадцатый смотрел на лежащего в луже крови Витька. Один из скафандров подошёл к Сорок Восьмому и дал короткую очередь. Вспомнилось, как Сорок Восьмой, вечно кипя неумемной энергией, влетал в палату и выпаливал новости. Вроде и знали друг друга всего ничего, но ведь находил время навестить, а после того, как Тринадцатый остался единственным пациентом эскулапов, не пропустил ни дня. Вроде бы мелочь... но вся жизнь состоит из таких вот мелочей. Где-то внутри стало больно. Жаль дочек, смысленные они у него не по годам, не поверят в сказку о командировке или полёте на Луну. Теперь ясно, зачем всех здесь собрали.

– В результате нападения наши потери составили двенадцать человек убитыми, плюс состав экспедиции. – Генерал вывел на экран списки погибших. – После атаки нападавшие уничтожили камеры наблюдения. Мы закрыли все переборки и заблокировали их в лифтовом холле. Они потребовали впустить их в бункер и предоставить управление лифтом, иначе угрожают сбросить сверху в шахту лифта ядерный заряд и взорвать его. Возможно, что это не блеф, сразу после нападения камеры и датчики в верхнем шлюзе были уничтожены электромагнитным импульсом. Учёные сообщают, что фиксируют мощные детонации на месте шлюза, похоже, кто-то взламывает ворота, чтобы получить доступ в шахту. Мы закрыли все переборки, блокирующие шахту лифта по длине, но если заряд будет взорван внутри шахты, они не выдержат. В лучшем случае шахта будет завалена на всю глубину. В худшем – можем лишиться верхнего уровня. Но это ещё не всё. Есть опасение, что нападающие смогут найти последний оставшийся выход, и тогда мы будем погребены здесь заживо. На принятие решения у нас есть три часа.

Старик выключил мониторы и сел в кресло. Слова давались ему нелегко, он перевёл дух и продолжил:

– Совет собирается оповестить всех и готовит сетевой опрос, хотят узнать мнение людей. Медики говорят, что нападающие и тут, и наверху, не меньше суток сидят на антирадиационных препаратах, иначе уже изжарились бы давно. После такой передозировки антирада половина из них обречена и без облучения, а те, что покрепче, получают серьёзные осложнения. И наверняка они в курсе. Не думаю, что надо впускать в бункер вооружённых головорезов, способных запросто убить два десятка ни в чём не повинных людей, но и рисковать мы тоже не можем: что происходит наверху и насколько серьёзны угрозы напавших, неизвестно. Тягаться нам с ними тяжело, боевого оружия нет, только служебное, личный состав – одни новички, все, кому доводилось понюхать пороху, сидят здесь.

Генерал обвел взглядом сидящих и закончил:

– Совет дал добро выслать разведку для сбора информации. У нас пока ещё остается последний запасной выход. Я хочу выслушать ваши соображения.

Несколько секунд в кабинете стояла тишина, затем прозвучало одно предложение, потом второе, спустя минуту обсуждение шло вовсю. Тринадцатый слушал молча и не вмешивался, пытаясь по смыслу реплик определить степень подготовки присутствующих. В общем-то, перед ними стояла вполне обычная для разведподразделений задача по сбору информации о противнике, вот только в случае неудачи горе-разведчики приведут врага прямо к последнему входу в бункер. Спустя десять минут стало понятно, что ни разведчиков, ни армейских спецназовцев среди присутствующих нет, но и случайно здесь тоже никто не оказался, повоевать успели все. Его размышления прервал Старик.

– Почему молчишь, майор? Это же твоя вотчина. – Стоило генералу заговорить, как в кабинете все смолкли. – Скажи, сынок, что думаешь. Двадцать пять тысяч душ сейчас, возможно, на волоске висят.

Тринадцатый мгновение молчал. Все взгляды устремились на него, и в наступившей тишине стало слышно, как громко тикают старинные часы на генеральском столе. Массивный, покрытый витиеватой резьбой, ореховый корпус в виде бурого медведя, держащего двумя лапами на груди циферблат с ажурными стрелками, среди нагромождения электроники и мигания индикаторов смотрелся очень необычно и немного странно, словно обрывистый островок чего-то очень живого, упорно борющийся за существование в

бездушном мире потоков безразличных ко всему электронов.

– Ситуация вполне понятная. – Тринадцатый встал, чтобы лучше видеть реакцию слушателей. – Диверсионную группу впускать в бункер нельзя, это ясно и так. Но у них есть боевое оружие, которого нам очень не хватает. Необходимо этим воспользоваться. Нет смысла рисковать людьми, пытаясь выбить их из лифтовой. Так же, как нет смысла применять сонный или отравляющий газ, там у всех есть средства защиты. Предлагаю загерметизировать помещение и откачать оттуда воздух. Судя по видеозаписям, систем регенерации кислорода с закрытым циклом у них нет, так что долго они не продержатся. А девять боевых стволов нам пригодятся. На поверхность должна пойти группа в составе двенадцати – шестнадцати человек, плюс кто-то из ученых на тот случай, если ядерный заряд действительно существует и удастся его найти. Необходим запас антирада на всякий случай, а также средства маскировки. Использование скафандров радиационной защиты исключается, они сильно сковывают обзор и движение, сводя на нет мобильность и манёвренность. Не помешали бы ещё взрывчатые вещества и средства взрывания, возможно, они есть в инженерной группе или их можно синтезировать в наших лабораториях, надо поговорить с учеными. Группа выйдет из бункера через не обнаруженный противником вход, скрытно сблизится и произведет сбор данных, а в случае благоприятной ситуации – уничтожит врага либо проведет диверсию. В конце концов, главное – выиграть время, даже на антирадиационных препаратах при таком излучении противник долго не продержится. Детали операции необходимо разрабатывать, привязываясь к карте местности и в соответствии с имеющимися в нашем распоряжении средствами. Это пока всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sergey-tarmashev/katastrofa-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)